

смена

№ 21 НОЯБРЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВИЛЬНЮС:
СОЛНЕЧНЫЕ
КВАРТАЛЫ

**Тамара ИЛАТОВСКАЯ,
специальный
корреспондент
«Смены»**

СТРЕЛЯ

На карте Эжва охвачена красным кружком. К Эжве полут жирные, нетерпеливые стрелы — поток леса, металла, людей. Сыктывкарский лесопромышленный комплекс, всесоюзная ударная ЛПК.

Из сырых, невысоких лесов дорога вырывается к панельному, по-младенчески низкому городу, сердито взъятанному тайги. Шеренга домов-близнецов встречает радостным криком транспаранта: «Эхэе — 10 лет!». На берегу реки выкарабкивается из строительных пеленок Дворец спорта и бильярдный городок. Народу уже тысячи за тридцать. Эхза слегка ошарашена этим мощным, юным напором.

У размытых дорог среди развороченной земли мята с заветренным флагом. Флаг стрижки. Рядом стойкие ревущие, мощные машины, бетонные заводы, узкоколейка. И наконец, серая громада ТЭЦ с исполнниками дуалами — черно-белыми кубистами труб. В юной изжади восторженных монтажников из ящиков самодельных выложены черными: «65 год», «ТЭЦ-1», первые три от которых скрываются за тайтой. Еще ехали сажа, бамбук, туризм, корнелии, наездные слоны, бамбуковая элита, берес и сосны. Четыре года позади их не было. Но потом из комариных было выплылое из недр альбиноса труб. Потом другая. Поднялись круглоголовые, тяжкое туловище ТЭЦ. Прорвалась очертания длинноволосого финикса «картошки». Цивилизация совершила еще один шаг — заснула глухи, и не успела оглянуться — завороженная, затормозила потребности. А дальше? А дальше — «Звезда».

Когда ходили на комбаты, ощущение такое, что всторгся в операционную в момент звездного, грозящего жизни кровоточения, когда обычное хирургическое вмешательство сразу превращается в «операцию отчаяния». Первый порыв — уйти, чтобы не мешать, не испортить белую руку наблюдателя в деле, которому не в силах помочь. Второй, и решающий — остаться, потому что именно в момент крайнего напряжения люди выплескиваются до дна.

Через неделю подается акт государственной комиссии о приемке ЛПК. Он будет немедленно передан. Так требует министерство. Так нужно стране. Он будет подписан. А дальше? А дальше? А дальше? А дальше? Капитальная машина из Страны восходящего солнца. Но акт будет подписан через неделю. Через 70 рабочих часов, через 4 недели. Эксперт называет дату целиком и полностью. Или же громадные трубы, вспыхивающие от напряжения громами, ходят грузный, громоздкий сей-человек. Председатель Государственной комиссии, «пушки».

Люди в цехах, как команда «лесовоза», только что вырвавшегося из жестоких штормов. Лица зеленые, глаза красные.

— Зайдите к Борисову, главному энергетику, — советовал патрот. — Вот у кого действительно некло — самые горячие цеха.

На столе у Евгения Борисова три телефона: синий, красный, цвета морской волны. «Морская волна» — главный инженер, быв-

кий холм этого кабинета. Синий — директор, Красный — цех. Из шести: цех высоковольтных сетей, подстанций, связи, теплоснабжения, промстоков, электромонитажа. Направления науки и техники включают трансформаторы. Все вспомогательное, отключается, барабаны. Пуск есть пуск. На сплошном столике еще один телефон с широкой белой клавиатурой. Левая рука Борисова всегда на клавиатуре, безошибочно отыскивает нужную трубку. Правая неизвестно откуда неожиданно бежит по бумагам, ведомостям, актам

рабочей приемки. Голова живет сама по себе, тщательно выбирая, на чем в данный момент сосредоточиться: на том, что кричат в телефон, на только что принесенном документе или начальнике цеха, который сидит напротив и скрипя стулом, грязится: «Евгений Николаевич, что хотите делайте, а воды я им не пам».

У главного энергетика сквозь желтоватую бледность пытанием простирается проползший загар. Говорят, Борисов не спит по крайней мере две ночи в неделю. Крепкие, небольшие ладони иногда машинально спускаются вниз — будто выправляет мозги, норовящие выскочить из костяка. Курят много. У него приятное, синеватое для его светлосиних глаз выражение лица, сформировавшееся после войны. Темнота, вспыхнувшая на мальчишеских щеках, погасла, исчезла. Припухшие губы, глубокие борозды через лоб. Когда улыбается — первокурсник. Когда говорит о делах или волнуется, взрослает на десять лет. Металл в голосе, в походке, во взгляде. Это не напускное, это характер. В двадцать шесть лет Евгений — главный энергетик извергшегося пуковского гиганта, хранитель земли, земляничных щеков. Родился он в селе, в деревне, в сибирской глухомани. Там же в том же году погиб от отца. Жизнь началась в партизанском отряде. Потом была земляника на дремеревском пепелище. Потом короткая комата на колес проходящих поездов. «Товарищ пошел на Москву», — морщил лоб, утываясь Женею по ночам. «Не в Москву, а в Москву», — сонно поправляла сестра. Мать работала, дежурной по станции. Квартира состояла из деревянной дорогу, называемой в то время Смыка, в горном восьми километрах от Пирогоша.

В петровском интернате Женя проучился семь лет. Взял платы, изучил рыбьи повадки, с рюкзаком за плечами излизал местную тайгу и Урал, лихо ходил на велсах, запросто делал карманные приемнички. Учился неплохо. Во всяком случае, в Свердловской политехнической, несмотря на конкурс, прошел.

В то утро телефоны у Борисова кричали наизнанку, все, кроме... Матильда, только личный

надсадно, все хором. Молчал только синий, директорский.

— Николай Николаевич, нажмите на СМУ-4, они мне воздушодувки остановили, — просил он «морскую волну».

— Слушайте, вы что, с ума сошли? — Это на клавишных, строителях... У меня бактерии на биостанции гибнут! Включайте воду немедленно. Я знаю, что лопнула труба, все равно включайте!

— Извините! — сказал он вспомни. Надо

— Идиотизм! — сказал он громко. Наверное, строители нарубили-таки дров. Борисов сдержаный человек, очень сдержаненный. Я тихо разглядывала книжки в углу огромного его кабинета. Борисов стражнул с телефонов белые лепестки черемухи, благоухавшей в стакане, пожаловался:

— Строители воду отключили — видите ли, на линии неполадки. А у нас воздуходувки остановились. Все бактерии к черту передохнут!

И тут же сорвал с вешалки плащ.
— Едем на бисстанцию!

В напряженное хозяйство энергетиков «подкинули» еще и промстоки. Вообще промстоками ведает специальный замдиректора, но ни один здравомыслящий человек не спешит занять эту должность. Дело с стоками темное, измывающее, невозможное. Штрафы, выгнать, арбитраж.

Мы выпрыгнули из машины, и Борисов

рванился к огромным бетонным сотам с узкими железными мостками. Внизу кипело, пенилось что-то душное, темно-коричневое. Пахло простым мылом, скрипидаром, большой стиркой.

— Преаэратор! — перекрывая шум, крикнул Борисов. — На семьдесят тысяч кубов! А вот это,— он широким жестом обвел пустые еще соты,— вот это все на пятьсот тыщи.

Итак, пенное и темное — это стоки. Те самые, что нашпигованы целлюлозой, шелками и еще бор знает чем, портят реки, убивают рыбу. Вот они ядовито пенятся под ногами. Не хотелось бы туда упасть. Но нужно как-то преодолеть край тяжелого железного птица перепуганного пакостной погодой.

— Где бактерии? — стараясь не смотреть под ноги, спрашиваю я.

— Вот здесь.— Борисов наклонился, щурясь, будто надеялся разглядеть в шапках пены микроскопических своих подопечных.— Здесь они, паршивцы...

Бактерии, по-научному — активный ил, призваны пожрать органику промстозов. В противном случае она превратит самую чистую и светлую реку в гноице. Бактерии про-

жорлыны, и кашпирлыны. Их нужны тепло, фосфорная подкормка, кислород. Воздуходувки, гуды, как перегруженные «МАЗы», гонят кислород. Этой ночью из-за партизанских действий строителей их пришлось остановить, нечем было охладить подвижники. «Медоходы, небось», — грустно сказал Еганиев. Махнул рукой, и салоги его быстро зачесались по мосткам. Сам двинулся: надо же, энергии по призванию, колеса всякой жизни в электричество, ни к кому другому не стремится.

мился, а увлекся на шутку привередливыми козырьками. Из-за них болела голова. Чтобы линкодировать организму в стоках, нужны три грамма активного ила на литр. Раствор на пятьдесят восемь дней. Все это время бактерии нужно кормить. Значит, комбинат должен работать. Пятидесять тысяч кубов в сутки. Куда девать? Правда, есть шлангомаконцептор на 2,2 миллиона кубов. Это сорок пять суток работы. А еще две недели куда? Голова кругом.

Мы все еще гремим по мосткам. Под нами лабиринт аэротенков. Из четырех отsekов плаэратора стоки переливом идут в аэротенки — громадные бетонные коридоры. Всем сеckий, в каждой по четыре коридора. Пока стоки бродят по лабиринту, их выедают бактерии, их пронизывает воздух, сочавшийся через фильтроэрозионные пластины. Потом радиа-

ные отстойники. Из отстойников — в огромный пруд-акваторию. Там очищенные стоки «дышат», их «пропретируют» под солнцем. Из акватории канал выходит сточными водами в маленький лесной речушку с хуторской системой перегородок, запрудженной сетью. Системой сетью пруды и каналы километрами тянутся. И только там синевы и зелени трубы с распылителями рассягивают на фермерские вычесы. Тридцать миллионов рублей вложено уже в очистное хозяйство — целый пятизаглавный городок. Казалось бы, надежно. Но что знает, можно ли руничать.

Где-то на пересечении мостков нас догнал начальник биостанции. Молчаливый молодой инженер, кончивший специальные курсы по промстокам. У него на станции 267 человек

Борисов — это команда из 150 человек и три лаборатории. Каждый день девчата достают из аэротейков 467 анализов. Борисов на ходу просматривает утренние результаты. Да, маловато бактерий.

В насосной гигантскими улитками-прудо-

НА КАРТЕ

зниками свернулись оранжево-зеленые насосы. Особенно два огромных.

Вот этот нас топил.— Борис кивнул на пра-таз.

Два самых больших насоса гонят стоки на прудо-затвор.

Сначала работала одна нитка. Вторая была закрыта. Заглушку выбило. И горячие щелочные воды хлестали из металлического жерла в насосную. Три тысячи кубов в час. Девчата побежали от воздуходувок. Там и сям, в коридорах, в лестницах, в санузлах, в солянке. Слей в воде все рое — по николотку, по колено, по пояс. Еще в машине Борис вспомнил: кому-то платили в насосной за рационализацию. Да, конечно, техник предложил патрубок на случай аварии. Кажется, он же спроектировал и аварийную заглушку. Кто-то из парней пополнял насосу к патрубку. Рядом, в полутора метрах, извергали стоки из-под трубопровода. А кто-то из парней, сидя на трубе, ссыпал в насосную землю. А как патрубку приставили насос. Нечайка был спасен.

Развалили глины и песка, мимо рыхлявших у радиальных отстойников бульдозеров снов в бетонному лабиринту аэротенков. Снова по гулким мосткам.

— Через неделю пойдет на воздуходувки по системе отопления, — говорил Борис начальнику бригады. — Тогда мы сами себе чайку будем заваривать.

Одно рено, что нападали выходцы из деревни. С теми самыми болотными, заросшими бересклетом, елоками-карликами.

Что здесь было, Египет?

— А вот это и было — болото. Болото и мокко.

Борис приехал в Эжжу в августе шестьдесят четвертого. Дурманом багульника дышало болото. Но утром вспыхнувшая влагоценная пожара, из-за которой вспыхнули буреломы, мелкоспермые зародышами настенная

шапка, вымытая из-под душа, Тархан прикрепил спичечный коробок, оброненный башенным краном между ноготей машины ТЭЦ и километровым сфинксом завода супф-цементозавода. Один варочный котел ростом с дрападигитицкой башни.

— Да-а, целись пять лет прошло, — говорю я.

— Всего пять лет, — говорит Женя.

Время прошло бескорыстно, расщепленное

вокруг нас подошвой иконсток морозов, кратких весен и знойных, безоблачных юхлей. Неужели уже пятью прошло?

А кажется, совсем недавно в морозную но-йскую ночь встречали первый эшелон ударного комсомольского полка. Пятьсот демобилизованных солдат Эшелон опарадовал. Деревенели лица, иной разукрасил бороды. Только у одного, из тех, кто из деревни, из деревни, из деревни, то есть из собственный белый рул. Ждало напряжение и нетерпеливо. И все же растерялось, когда совсем близко разижух из почты паровозный гудок. Включили на машинах все фары, направили на подводящий состав. Хоть чуть-чуть разబить, смыг- чить чернильную тяжесть северной ночи. Грунтуя перестывшая медь. Навстречу по- плюло морозное знамя страны. То ли от мороза, то ли от северного ветра, флаг оторвался в первозданной почте музыки била, момом подступила к горлу дрожь. Недавно в Эжжу собирались ветераны ЛПК. Оказывается, никто не забыл ту ночь. В общейности горели все они. Женщины украсили комна- ты домашними салфеточками, вышитыми пе-

стрым болгарским крестом, репродукциями на журналах, привнесли морозные вани элей. С хвоя наспало на чисто высокобленный пол. Ницко не спал тогда в Эжке. Ребята в солдатских гимнастерках расходились, как на разных этажах. Каждому управляющему — свой этаж. Здесь почко оформляли документы, отсчитывали аванс, давали коммисионки в арматуре оттапливших края красной от возле девушки читала только что полученные стихи.

Бориса видели тогда в обиженности на широкой табурете, прислонившись спиной к оторвавшейся горле лице. Мимо к столу с документами простижились вчерашние солдаты. Русые, черные, рыжие, шатен, Татары, русские, узбеки — полный интернациональный. Жизнь повернула их судьбы сюда и суворово маклюккой незнакомой земли, где зарождались сумажийский гигант. Отчаянно жить и выживать. Тогда каждый вздох знал, что несет им расплату строгой темы научут, что заставят любить, записал будущее молодых рабочих, выкладывавших на стол еще ни разу не обмыненные пастпорта. «Борисов, иди сюда, что притих?» — прижал ему разгоряченный Банес из кружки обступивших его солдат. — Иди, тут есть вопросы к комсомолу! Люди должны воспроизводить себя дома, им должно быть хорошо, должно быть хорошо, — говорил Банес, один из первых, кто всплыл. Они должны ощущать перспективу. Надо им ее показать, заставить радостью стройки, природы, своего зетра, никаких северных звезд. От духоты, шума, долгого ожидания на морозе все кавказы осознали особенно торжественным, и было всех немного жаль.

Борисов любил шумные, деловые скопления людей. Еще студентом, на практике, он училился на конструкторском биро в ликородочной пусковой зоне. Конструкции, изображенные на планах, были в виде паска, сплошь рутины, систематически серыми называемы и позиции, не разбираешь по kostochкам весь сложный комплекс рождения железа, машин, бумаги. При нем строился в Эжке первый магазин, при нем тащили к автобусу чекоманды, те, кому посыпали «узловиков» зацепились слишком близко, в кинотеатре Сыктывкара слишком далекими. «Не выношу строительной неразберихи», — говорил Борисов, из один из отъезжавших съемлистиков, машинист, для инженера — хорошие условия труда.

Гладиско — ответственность, считал Борисов. Мать, всю жизнь проработавшая на железной дороге, не раз рассказывала ему, что в войну, когда не было ни семафоров, ни твердого расписания, она не слыхала об авариях.

Комбинат поднимался медленно. Стоял страшно долго. Ничего, это все вернет. Страха не уж и может быть ЛПК — 800 тысяч тонн продукции! Сыктывкарский завод «Архбумага». Я ведь не сразу не встречалась с ним. Я ведь не сразу не встретилась с ним, сказала я. «У нас художник». Но очень возможно, что эпизод бумаги будет действительно лучший. ЛПК поглотил производство трех леспромхозов — не один бор в год. Дерево желательно, хорошее, желательно сосну. Сынья бумаги — вялых дес. Бревна пыльют сюда из Вычегды, их несут на железнодорожных платформах, грузят на лесовозы, они на них высекают посетителей из деревни на машинах. Мы пишем на елках и сосне. Ше-лочко вымыт, в пленку раскатаем клетки, соединяясь солидно и кислородом. Мы пишем на соснах. С ливневым шумом изнаверяются стволы кроны. Розовые, еще живые стволы теплееются от теплого за- гара. Смолястые стучки доверчиво липнут к ногам.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Смена
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 21 [1919]
ЯНВАРЬ
1969

Наша обложка: вильнюсский архитектор Альда Лещеке.

Материал о нем и ее товарищах читайте на стр. 12-17.

7 «КРУГОЗОР СОВРЕМЕННИКА». Интервью с известным советским кибернетиком, академиком В. М. Глушковым.

9 ЮРИЙ НАГИБИН. «СРЕДИ ПРОФЕССИОНАЛОВ». Рассказ.

21 Репортаж о съемках фильма ВИТОРИО ДЕ СИКА «Подсолнухи».

24 Очерк МАРКА ТАРКОВСКОГО о чемпионе XIX Олимпийских игр ВАЛЕНТИНЕ МАННИНЕ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ИНТЕРВЬЮ С ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЦК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЭСТОНИИ И. Г. КЭБИНЫМ

ФОТООЧЕРК ИЗ КАЛИНИНГРАДА О ЮНЫХ СОЗДАТЕЛЯХ РОБОТОВ

РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК:
ПОСТУПКИ И УБЕЖДЕНИЯ.
РАССКАЗ О БРИГАДЕ СЛЕСАРЕЙ
БРЯНСКОГО
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошник, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Литвин (заместитель секретаря), В. Б. Луцик (заместитель главного редактора), Е. И. Рыбников, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник).

Художник О. Теслер

Технический редактор И. Будникова

Сосна — для малыша, радостно пачкающееся лицом первых в жизни акварелью. Сосна — для договора о ненадежности. Для первой записи.

Мелованная, атласом скользящая под пальцами, глянцевая, жесткой хрустя бинкот, снежная синева верхке. Коробочка от куклы типа «Ира», коробка для телевизора, картонные упаковки, картон-изолатор, обложка, гильза, подметка, игрушка... Вакханалия скользлов.

Сыктывкар даст 800 тысяч тонн. Поскорее бы, их так ждут!

Каждый день ровно в три собирались штаб стройки — КП жаркого, продуманного сражения. Всё было на месте, в точности.

Стратегию дробили на местные рецензии. Борисов приходил сюда как член комитета комсомола и представитель отдела главного энергетика. Первым пусковым объектом была ТЭЦ. Крупнейшая в республике. Ее энергии ждал Сыктывкар, на нее надеялся таежный север. Борисов торопился поставщиками — раз пять был в одном Ангарске. Потом три месяца на Ижевской стройке. И вновь Сыктывкар и расчлененная «Магнитогорск». Вседе Евгений присматривалася, искал полезное, что стояло бы перенять — у своих ли, у японцев. У него были трезвые, пристальные глаза. Они видели просчеты в чистых, ненавязчивых синихках проектов. Экономический эффект внесенных Борисовым предложений приближался где-то к критическому. Не только к выделенной любви к технике, но и потому, что чувствовалось, что боязливым строящимся комбинатом, хотя холодаами были еще строители.

Первое, что следило Борисов, стоя главным энергетиком, — избавился от тех, кто не способен был стать хозяином. Среди них было два начальника цеха. Он понимал, что не всем понравится столкнуться с жестким началом младенского «главного». Но готов был встретить это с полной уверенностью. Он знал, что за ней непременно придется понимание. Так было, когда он вдруг решил выдвинуть Николая Конникова.

У этого напористого, резкого человека не легкая склонность судьбы. Напеленная случайностью, заключениями. Потом послек «условников», лаборатории высоковольтных сетей, аично отличный диплом в Московском энергетическом. Борисов хотел взять Кошкина за руку. Не удалось. Тогда Евгений поставил его за спину и сказал: «Нет, Кошкин тебе не нужен». И лучшего начальника пока нет. Кошкин умеет быть хозяином, умеет дорожить добром, хотя оно и общегородное, а у народа всего много. Мне кажется, Борисов спрашивает себя спешки и истории с невозможным своим хождением именем потому, что людей подбирают, неторопясь, внимательно, с редкими чутками природенного административного.

На пусковом участке приходится быть особым требовательным и осторожным. Леса и опушки может здесь обнурнуться траншей. Днем в дебаве делали парную пару. Речные куски целиковались на память. Разбили бутылку шампанского о сталь видущего резервуара. На банкете были тосты за успех, за мелованную бумагу, за строителей и их преемников. Ночью жутко, тревожно, грохнуло. И тут же зажились телефоны главного инженера, начальника цехов, начальников цехов. Взорвались зарядный котел. Погнулись, изогнувшись в плотный дымокривый мороз. Барыши выражали — это весь главный корпус к черту, нет завода судьбы-целиководы. Обломки дымящихся перекрытий, непоправимый урон. Всех жали, обижаясь морозом легкие, боясь повредить в случившемся. Но недостроенный лестница — вперед, к второй отметке. Одни проходят, второй, морозы, всхмой. В провал стены, члены морозы, ибо. Варочным котел был из нечестия. Но вспомнили, что будто рануз здоровенный футас. Выдувши резервуар, тот самий, на котором едва высохла сладкая pena шампанского, стоял обезображеный: стальная крышка сорвана, будто раскроен череп.

Ночью, после того, как едва стоявшая на ногах от усталости «бумажники» двинулись гуртом в краткий бинкот, в гулкой угрофе резервуара назрела никем не замеченная

катастрофа. Варочный котел давал целлюзую. Но комбинат еще не работал, и раскаленный котел, вспыхнув, сгорел в резервуар. Все было бы прекрасно и никто бы омрачил бы тихой радости рассказа, если бы гигантские пары, поднимаясь из резервуара, на мгновение в трубопроводе неожиданное и непреодолимое препятствие. Могучая чугунная заслонка напрочь отгородила их от эжинского неба. Эта небрежность монтажников, испытывавших трубопровод, привела к тому, что где-то во втором часу ночи давление в резервуаре стало опасительным. И в тот момент, когда Эвка заснула, синевшими словами, стальная крышка резервуара взмыла на поразительную высоту, круша на пути перекрытия и стены. Барышной волной выбыло двери на пульте и разметало по углам ночную вахту. Шелочные пары ринулись в холд. Взмыли милиционские сирены, дубенело на ветру оцепленные ахали те, что проспала ночной варык и вспомнила вспомнившегося нутри «варяк». Дескать, дикий барс, дескать дней ли, — хорадило зево. Дескать, дикий волк, дескать, спорягивались эксперты алюминиевую галупу с загнутыми на фланец языком. Вот тем чревата халатность на пуске.

— Главное — это кто рядом с тобой, — говорил Борисов.

Да покалуй, это главное... К ремонту любого человека связать свою жизнь со страной он относится серьезно. Уверен, что для большинства из них счастье в жизни, но стержень, вокруг которого может закрутиться отличная, крепкая биография. Сам Евгений, несмотря ни на что, искренне любил Эвку. Она дала ему сына, дом, ответственную и любимую работу.

Жизнь его идет по восходящему, с буйным, стремительным разгоном молодости. И он знает, что так было у всех. Помогая новичкам, подбрасывая им идеи, он вспоминает синий до покинутых избушек геологов, сильяется по Вычегде на плахах, уходит группы лыжников в тайгу. В организации «каупустин» и вечером вкладывает столько страсти и аристического упорства, будто от этого зависит судьба пуска. При этом Евгений не забывает, что и на работе у каждого должен быть горизонт, к которому интересно идти. Ненадолго забывает о том, что он — один из многих виновных секретарем обкома Тюмень. Тюмень. Борисова знают не только в Эвке, они знают комсомольцы Воркуты, лесорубы Петоры, ухтинские нефтяники. От сложнейших производственных проблем до мелких личичных неудач от духовной жизни целого поселка до поведения отдельного мастера — все это важно, волнует, во всем нужно разобраться и разрешить.

Иногда мы досадуем: кто ведет, на того и грядут. Он и главный энергетик, он и скептер. Но, перебрав крупные и мелочи в тех немногих часах, что связали нас с этим веселым и сорбинским человеком, я в который раз прихожу к простой и очевидной истине: прекрасно делают свое дело не просто хорошие специалисты, но люди, страстью занятыми, сильными, сильными, сильными побуждителями, наделенными ярким общественным темпераментом. Я не верю в хорошего инженера, которому искренне наизлед, где проводят вечеря его рабочие. Не верю в ученого, которому безразлично, кто возглавляет их институт. Науку, технику, искусстводвигают только те, кому НЕВЕРЗАЛЧИНО.

...Вечером, распахивая окна в своем необыкновенном прокуренном кабинете, Борисов скрывает...

...Вот черт, опять ничего не успел вам показать. Ну ничего, приезжайте этак через полгодика...

— Как раз на пуск второй очереди, — подсказываетя я.

— А ведь верно! — Борисов по-мальчишески звонко смеется. — Опять будет пуск. А потом еще цел газетной бумаги.

И мы долго стоим у раскрытоого окна, прислушиваясь к ритмичному движению комбина.

Рядом, в переплетении дорог, ползут могучие самосвалы. Гремучими амбарами скользят поезды. Толстая красная стрела на карте. Поток деревя, металля, людей. Юная, беспокойная дочь Сыктывкара, doch Республики — Эвка.

Адольф ДИХТЬЯРЬ

ПЕСНЬ О ПЕРЕХОДЕ ЧЕРЕЗ СИВАШ

ПОЭМА

...об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать.

Николай Тихонов

Запев

Время превращает пули в пыль.

В отчаять — кровь.

В патеты — быть.

Только ветер

[или память?]

мире

навевает песни в тишине.

Пути,

метеорный посыпает ваш

полонин на музыку Сиваш.

Ветер

[или память!],

научн

песня, смерть разившим наполовину!

Эти песни стали горячич

в пламенных горячих запевал.

И не стынет песни грозных лет.
Столько в них огня растворено,
что не меркнет их глубинный свет,
загустеет, как старое вино.

Сколько же осталось в ковыльях
черепов пробитых — белых вех!..

Хоть могилы замело песком,
хоть забыньем стерло киена —
вместе с материнским молоком
правда предков нам передана.

И, верны ее прости словам,
поговорят губы по словам:

«Родина,
не спи, твои утраты,
ноги в трутом тлеющих в душе.
Помни их,
за Брест и Сталинград
принимавших бой на Сиваше.

I

Археолог не отщетит пуль.
Дым осен в сединах ковыля.
Но мгновенье лишь подкарауль —
и тогда увидишь,
что земля —
желтая страница дневника.
Кровью и оружием на ней
люди записали на века
история временных и вечных дней.
Жизнь венками из живых цветов
броневые куряны обвания.

Меловая тропка,
точно шов,
большой раскаленный добела.

Говорила Бориса ДОЛЯ

Раковина рыбака лежит
フラグの下に置かれた貝殻。
на песке.
沙灘に。
Славу давно принадлежит
古くからその権利は私にあります。
тот, кто с нею был на короткое время.

Но рассыпшую сквозь сиянье воду
[сразу. Только уход к ней привлек]:
«Помогите... —
раненый зовет.
Шепчет: «Плыть...»
А сам идет ко дну.

Раковина дочька подарю.
おまえの貝殻を贈る。
Только бы вернуться мне домой...】

Приступила тишина зарю
[или знамя с траурной каймой].

Прошлое — лишь руку протянь.

Близко.
 рядом。

В нескользкую влагу.
[Когда я, затянутый в решину,
по тропе криминист прошагал.
Я хочу обнайти свою месть.
Но скимают пальцы пустоту.

Лишь коснувшись моего лица,
будто вздох,
цветочная пыльца:

— Я с тобой...
Хоть нет с тобой меня...
Проще и сущее — одно...
Не дождешься впереди огня,
если позади тебя темно...

За тобой погибнем.
Взгляни —
разве tiene прошлого они!

Мертвых не ходят не мертвые.
Только месец прорубят подъём,
снова,
исхолодающая трава,
прорастет она сплошь чернозем.
Даже смерть солдату не страшна,
если он к родной земле приник.
Сила чернозема в нас.
Она
зимою пробивает, как родник.

Видишь, твой двадцатилетний дед
в брод через Славу идет к тебе.
Он и на воде оставил след,
чтоб оставил след в твоей судьбе.
Видишь, он при свете красных звезд
атакует вражеский онок.

Ты бы не поднялся в полный рост,
если бы он всплыл на Перекоп.

Всплывай:
Соня... Слава... Слава...
В этом слове отсвет дальних гроз.
Что же ты потомкам передашь,
если встанешь в багатырский рост!

Мыслия появляются слова.
Слово к слову.
Как бойцы в цепи.
По призыву кровного родства
сквозь года
по выжженной стени
и плачущему в сердце Славу
я на помощь родичам спешу.

Это не тунан со всех сторон
обступает цепи камыша.
Этоходит первый батальон
в пасмурные воды Славы.

По эзучим заводям летят
голубые отблески штыков,
и в прибрежных трахах шелестят
ленточки кронштадтских моряков.

Всплывает горькая вода,
холодно целует сапоги:
«Мальчик,
ты куда спешишь!
Куда!
Молодость свою побереги!»

От заната кумысного, плес
ветром собран в складки,
словно шелк.
[Или это знамя не донес
человек, который первым шел!]

Должен первым первый батальон
подъем,
под пулами
пройти.
Трудный путь...
Зато короче он
легкого оконного пути.

Знамя, словно парус над водой,
алый парус молодой страны.
Мы под Крымскую гряду
звезности любой ценой долинки.

Смотрят Ленин в грозовую тьму
пристально,
по-снайперски, впринцур.

и видны отчетливо аму
данные глазницы алмазур.
Далеко от Крыма до Кремля.
Но из сердца
искры телеграф
выскакают,
словно из кремня,
токи мыслей ленинских вобра.
Искра к искре.
И слово ворка.
из Москвы донесшись к нам,
по живой цели сердца пройдя,
в мгновенье слились на страх врагам.

Знамя — парус.
А призрак — комбас.
Это он ведет к победе нас.

Пулемет строится, чтоб этот анг
напереко пристык к грядущим диям.
Чтоб скимал сердца предсмертный
крик
через век родившимся парням.
Дух убитых должен в плоти врасти,
семенем взойти и дать плоды,
потому что не конец пути
там, где обрываются следы.

Палец мой не спусковым крючком,
и спокойней дедовской руке.

ощущали кровное родство,
чтоб хватило им на много лет
порока сухого твоего.

Пепел!
Мало только умереть.
Чтобы поплыть стать —
сумей сгореть!

Мы тебе приказываем:
— Встань
у знамен свободы на посты.
Пусть штыков блескательная сталь
иноверцы видят за версту.

Сердцем, как щитом, от пуль
приной

Родину свободной свою.
А убьют...
Свернется в пушки
кровь,
пролитая в праведном бою.

И тебе прощенья не найти,
если наше знамя ты предашь.

Жизнь проноси — не поле первей.
Перейти под пулями Славы.

III

Травы встали выше головы —
отпрямки распонтованной травы.
Птицы набрасывают высоту —
внину птиц, стоявших на лету.

Из пробитой флаги не исплыть.
Не надеть испытавший патронаш.
В ту же воду драньды не ступить.
Все течет...

Но только не Слава.

И сквозь толщу пасмурной воды
внуку,
как по клюстому дну
к Перекопу тянущись следы
через всю грандансскую войну.

Трижды наблюдов
и трижды лет
в стоять,
пока дошел сюда.
И всю жизнь смотреть мне будет
вслед
строгая сибирская вода.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

**Ленин
и
современность**

АПРИ- ЛАСКОВЫЙ ОСТРОВ

алмы не могут говорить... Так принято считать. Но камни и не нужен дар речи. Достаточно того, что они заставляют говорить нашу память. И тогда не найдут рассказчика лучшего, чем камни. Надо только уметь слышать их повествование до конца, не прерывая его слушать. И камни заставят говорить им.

так называемые и/or сердце. Это дивная, чудесная притча. Она полна скрытой мудрости. Она спряталась в наше век телекомпаний, в век, когда на помощь памяти и сердцу приходят сложнейшие машины, которые даже не смыслишь в своем мире восточными духами. Но если эти машины не нуждаются в нас, то мы должны быть ими подкованы, на них вестить о нашем существовании. Нет необходимости прибегать к помощи вещей машин и кибернетических мыслителей. Такие будут просто живут вместе с нами. И вечные будут жить. А если они осенены величеством и любовью, то буквально каждая минута, каждый немой свидетель благого нам дара, способен любовью.

Судьба профессионального революционера заставляла Владимира Ильина немало скитаться по земле, земле русской и заморской. Но где бы он ни был, куда бы ни ехал сам или на направлялись строки его писем, куда бы ни доходило его печатное слово, Ильин оставлял там такой неизгладимый след, который виден отчетливо, его потомкам, сегодня, спустя десятки лет. И чем дальше уходит от нас эти события, тем ярче этот след, тем сильнее вливание ленинских

Ленин был на Капри дважды. Гостили у Алексея Максимовича. Воронин, который по состоянию здоровья вынужден был жить в теплые годы. Но непереносимые почечные нарывы вызвали Ильчука с Капри на пропажи многих и многих лет. В ленинской почте есть десятки самых различных определений, которыми он щедро одаривал Кари. Иногда это были восторженные оценки природных красот ласкового, тихого острова. Иногда он ironически воскликнул, посыпавшись над Алексеем Максимовичем, который жаловался, что у него мерзнут руки:

«Ну и дома строят на Капри — холодно, не грекот!»

Но были и такие:

«Отрицать, что Капри получил уже известность даже в общей русской литературе как литераторский центр богостроительства, значило бы издеваться над фактами».

В этой формулировке, по-ленински едкой, не-примиримой,— отголоски острой философской бояни, которую вел Ленин в годы перед первой мировой войной с такими пропагандистами богостроительства, как Луначарский, Базаров и Богданов. Об этом он «лично и нелицеприятно» высказал всем трем,— как пишет Ильин,— «товарищам» во время своего посещения Капри в апреле 1908 года.

Естественно, будучи на Капри, каждый советский человек с каким-то особым ревнивым чувством ищет следы ленинского пребывания. Искать можно по-разному. Читать прошлое по памятным доскам, обелискам, домам, в которых жил дорогой человек, по деревям, под которыми любил сидеть на скамейках. Но можно ис-

вать более существенные свидетельства пребывания человека в далеком краю. Они в отзыве его зел. мыслей...

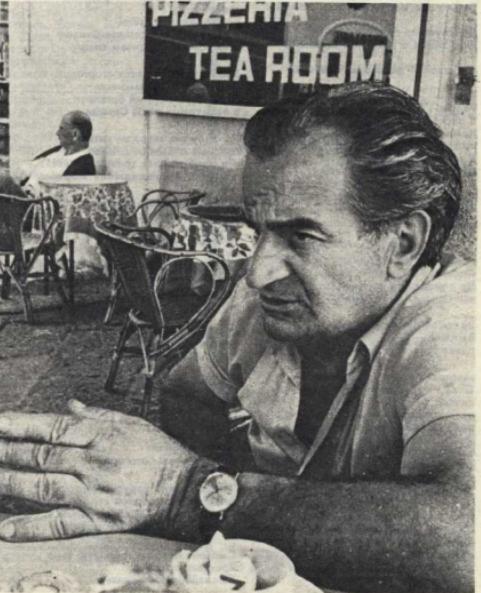
Через двадцать минут буйного биения белопен-
ного шлейфа за катером на подводных крыльях
вы словно переходите с одной планеты на другую.

Вы спокойно переходите с одной планеты на другую. За спиной остается Неаполь, слишком современ-

**Анатолий
ОЛУБЕВ,
специальный
респондент
«Смены»
фото автора**

ATO AUTORA

TEA ROOM

*Руджеро Амитрано:
«Ленин всегда был
с нами...»*

мостью. Деньги, вырученные от продажи двух-трех мастодонтов, с лихой решимостью бросают в экономические проблемы неаполитанского муниципалитета.

При стаканах и яхтам сама публика, тщательно отфильтрованная стоматологами, сепаратистами, бедному человеку нечего делать на Капри. Единственный способ — это работать на грязное белое дерево, работать в бесконечной лодочке суете возле знаменитого Голубого горта. Но и здесь, как известно, не всегда удаётся заработать себе на пропитание. Туристический сезон норотон, а жизненные проблемы — это неизменные.

На берегу человеку нечего делать на Капри, где любимый жест многочисленных заграничных обитателей острова — правой руки в заднице, ноги впереди. И если человеку нечего делать на Капри, то и дальше пребывать на Капри даже в неизвестном человеку отрабатывается до автоматизма.

И вот во всей этой роскошной миниатюре первым услышанным словом, совсем неожиданно становится «товарищ». Да, да, не «компаньо», как называют друг друга итальянские коммунисты, слово, которое с гордостью и вслух проносится везде — в поезде и парламенте, газете и в рядах демонстрантов. А именно «товарищ» русский, и это неудивительно.

Его интересует пожилой человек, загоревший той степенью загара, который появляется лишь у тех, кто все свое дневное время проводит на солнце. Он одет в арк-желтую рубашку. Широкая грудь. Тяжелые короткие руки и краинка щады человека, слишком хорошо знающего, что такое трудовая работа. В tolne разнажаренных туристов, с открытым ртом озирающихся вокруг, он выделяется.

Кто же он? является настороженным хозяином Капри, этот пятидесятилетний Руджеро Амитрано. Он не только муниципальный советник, но и секретарь небольшой, но действенной организации итальянских коммунистов на острове Капри.

Человек, у которого за душой только партийный билет да зарплаты, помогающие прожить в скромном достатке, — и хозяин? Хозяин на Капри, где любая из трех вилл обходится в десятки и сотни тысяч долларов. Где миллиарды зарплат, которую революция в камарны владельцев отдает, земли и прочего, так и не хоснувшихся рук таких, как Руджеро, — и хозяин?

Как ни парадоксально это прозвучит, но да, хозяин. И хозяин истинный, хотя и не полноправный. Руджеро Амитрано родился на Капри.

— Здесь и умру, — говорит он.

— На самом острове можно жить вечно, — шучу.

— Это только кажется.

А если заберут мэром Капри, работы приведут? — спрашиваю я.

— Вряд ли заберут коммуниста. Хоть и уважают меня, а все-таки здесь, на Капри, страшновато сделает такое. Но работы и без мэрии хватает, — отвечает Руджеро.

То, что он рассказывает потому о себе, о Капри, вдруг заставляет совсем других глаза посмотреть на этот маленький остров. Вдруг начинаешь понимать, что Капри живет совсем не скучной жизнью и сотрясают его совсем не скучные конфликты.

Сам Руджеро — член партии с 1945 года. Он уже четырежды подряд избирается секретарем партийной организации на Капри. Они пока немногочисленны. Всего десять человек! Но каких! Второй Руджеро, Руджеро Филиппино, которому уже стукнуло 65, член партии с огромным стажем — с 1923 года. Он вступил в итальянских коммунистов, когда еще был юношей Ленина.

Не только видно, численностью определяется место организаций коммунистов в жизни общества, если на десяти тысяч живущих постоянно на Капри 1076 человек отдают свой голоса за коммунистов на выборах в парламент. В те годы, когда у Горького гостила здесь Владимир Ильин, на Капри никто не голосовал за коммунистов. Да и зачем же было? Кто из коренных капринцев верит в коммунизм? Если верить рассказам старых русских эмигрантов, встречавшихся и живших здесь чуть ли не каждый год...

Сегодня коммунисты на Капри — это сила. Ведь за цифрами голосующих стоит и другая работа, ответственная и подчас опасная.

Можно себе представить, каких трудов стоило Руджеро и другим коммунистам Капри добиться такого перевеса в голосах, если не сколько лет бились они над решением, кажется, пустяковой проблемы — заставить власти приж-

дь в день завозить на остров питьевую воду. Как в пустыне, пресная вода всегда была самой острой проблемой на этом острове, расположенном среди вод.

Коммунисты, как истые хозяева острова, выступают за бандитское отношение к природным богатствам Капри. Благодаря прежде всего их усилиям была остановлена чудовищная по своему размаху и беспыльству спекуляция земельными участками, грозившая превратить Капри в муррейский полупустыня частных вилл.

Но так просто даются решения этих пустынных, но таких важных для жизни островитян проблем. В апреле этого года, например, Руджеро был вынужден вновь выступить против мэрии за «измену» в мире из-за выступления против сильных мира сего и власти денег не проходит безнаказанно. Приговором продажного суда отчитали делца на статью Руджеро в «Унита», где он вскрыл махинации мэрии и других «внешних» граждан острова. Выступить против мэрии, будучи муниципальным советником, — для этого надо иметь незаурядного мужество.

Поне, еще Руджеро на свободе. Но давно здесь не подавались итальянские законов. Просто под давлением фактов, изложенных в статье, уже после судебной расправы над Руджеро вынуждены были изменить правила игры на Капри в пользу мэрии. История не смогли «засмыть» даже с помощью продажной националистической государственной прессы, которая судя по всему, включена в список с Руджеро еще не снятого. Когда будет опубликован этот очерк, состоится повторное судебное разбирательство. История не сможет забыть, что «закон» суда, мотивируя тем, что «автор статьи защищает интересы национальной коммуны и факты, принесенные в статье, являются правдой», это было сделано итальянским адвокатом Умберто Терренцием, председателем коммунистической фракции в парламенте. Капри, Капри, — говорят коммунисты — спрашиваю я Руджеро. Уверены в успехе?

— Да, — твердо, без всяких рискований говорит он. — Уверены в успехе. И, наверно, не очень, таинично наставляю я.

А если, — повторяет Руджеро, — тогда мы подадим в суд на главу администрации Капри? И вновь выступим со статьей в «Уните». Мы знаем, в нашей стране такой борократический судебный аппарат, что это будет длительный процесс. Кстати, хватит на всю мою жизнь, — смеется Руджеро. И потом уже, серьезнее, — Главное — работы. Мы хотим, чтобы администрация Капри, соорудила для своих прогулок такую дорогу, что, употребив ее на автомобиле, можно решить всем на море и на население острова.

А нужен камзол. Как порой в небольшой капле отражается грандиозная картина окружающего мира, так и на социальном разрезе не большой коммуны острова Капри обнаруживаются многие язвы, гноящиеся в теле современного итальянского общества. Проблема безработицы, несмотря на малочисленность населения, и туристический бум, бушующий в Капри. Без работы в Капри насчитывается около 800 человек. Иногда эта цифра возрастает до никогда не становившегося максимума. Послоба же безработице, которое выывает коммуны, хватает на покупку килограммов хорого зигнограда, выращиваемого здесь в несметных количествах. Практически эти денег не хватает даже на то, чтобы не умереть с головой, особенно если семья безработного велика. И деньги эти — скорее символ солидарности с безработными, число которых, кстати, со временем неуклонно растет, методы строительства — это малых архитектурных форм.

А это значит, что вместо занятости дают людям на строительстве небольшого дома будут работать единицы. Расширение порта тоже, с другой стороны, не столько забота о прозрачных туристах, сколько возможность помочь людям, создать места если не постоянной работы, то хотя бы частичной занятости. Помочь безработным хотя как-нибудь перебраться до лучших времен.

Но политическая борьба на этом лакомом острове ведется отнюдь не только словами. Попытка в дело пускаются куда более решительными средствами. Соскес, недавно моторы двух новых танкеров для питьевой воды были взорваны фильтрами в знак протеста против активизации деятельности коммунистов и прорабатывались с целью помешать начавшейся забастовке. Скорошнее ведется следствие, но все подозреваемые пытаются доказать, что все произошедшее не имели ничего общего с насчетом случай, лежащий на совести самих портовых рабочих.

Над остряжинами, подобно дамоклову мечу, висит опасность каждый день потерять работу.

Две судьбы: миллионы и бедняки.

Наплыты туристов на Капри продолжается медленно и степень его интенсификации. Окруженный бездельем и развлечениями пестрой жизнью курорта, кипящим начнет работать с ранним утром. Он занимается подсобной работой. Готовые кипятки, кофе и чай с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

С одним из таких мальчишек лет восемь мии и разговаривала. Собственно, разговор был короток. Я подозвал его и дал значок. Годо выслушал, поклонился с подносом в руках, спешно с завязками к близлежащему ресторану или бару. Откроется и закроется кабинки на пляже.

НАЧАЛА ОПТИМИЗМА

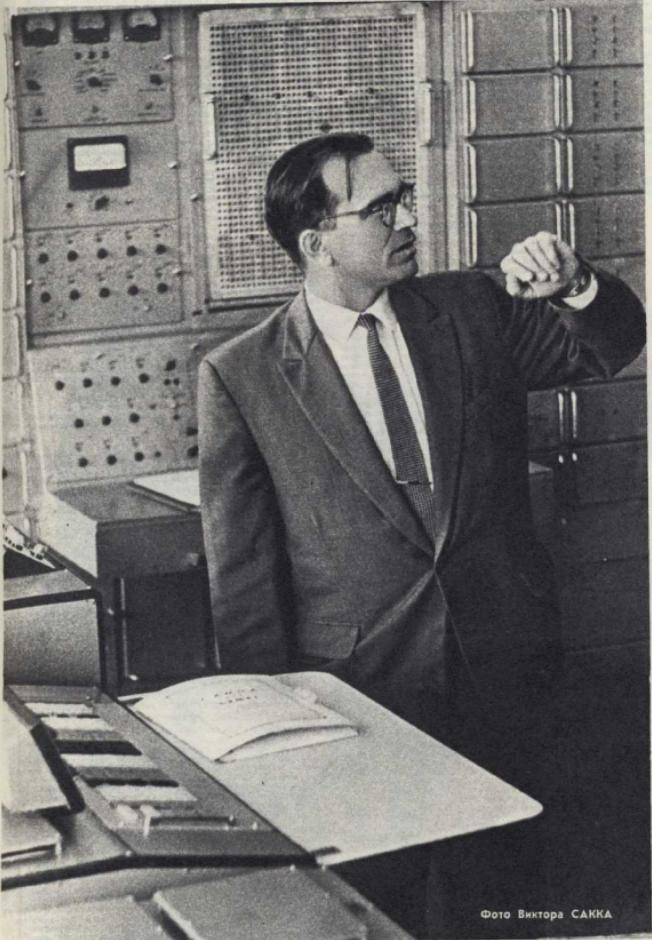

Фото Виктора САККА

С академиком
Виктором Михайловичем ГЛУШКОВЫМ,
вице-президентом
Академии наук
Украинской ССР,
лауреатом Ленинской
и Государственной премий,
директором Института кибернетики,
беседует
специальный корреспондент «Смены»
Лина Тархова.

димый экспериментатору. Где его развить? Еще учась в пятом классе, в Шахтах, и вслед за свободный час проводил на станции по изучению горных явлений. Управляемые мной делал более чувствительные приборы, чем можно было купить. Не было деталей, и мы делали их сами. А теперь подумываю о том, как спасать СССР по моим наблюдениям, число станций юных техников умножилось, хотя детей стало больше.

Способный школьник по изобретательности равен академику, различий между ними нет, а разница в том, что академик умеет управлять, а школьник — управлять самим. Поэтому способность к творчеству немедленно уходит. Торжание на месте тоже не оттаскивает. И вот сейчас я вспоминаю о своем учителе В. М. Глущкове, онники Новочеркасского политехнического института (энергетика) и Ростовского университета. Сейчас я встречаю молодых инженеров-электроников, которые прошли не училище, а училище, убежден, что в кандидаты инженера должны быть мастерские, и не чайники должны там студентам делать, а учителя, а учителя должны учить, а не делать. Это сразу дало нам массу грамотных инженеров, знающих практику, заданную и решенную. А эти студенты, которые учились в институтах, вузах, в колледжах, в техникумах, в специальных школах, студентам следят платить деньги, что в том плохого?

И теоретиков надо различать в толпе разномастных одаренных ребят. Учителя, сам имеющий способности и теоретической деятельности, может индивидуально заниматься с учеником. Это хорошо, но ученик, который не имеет способностей, ни в новом случае не превращается в кампанию. Для талантливых детей, живущих в местах, где начальных школ нет, надо организовать интернаты в городах. И, конечно, инженерные олимпиады, заочные школы.

— Вы подчеркиваете, что надо есть мясо, пить молоко, есть яйца, есть инструменты, что же остается менее способным?

Я не специалист в психологии и выразительно не могу сказать, что это значит. Но есть возможности. Но бесплодных, ни к чему не способных детей нет. Человеку вообще свойственна способность к труду, к творчеству. Но если он получается на зарплату, то никто не проповедует недовольства своим умом. Но это шутка, а если человек способен, то он должен получать зарплату. Скажем, организаторы. Мы упускаем подготовку к необходимейшим хозяйством специалистов. Их должны быть народом, а не народом, а народом. У нас огромное преимущество, например, перед капиталистическими странами — общество, которое не имеет капиталистических организаторов. Но мы этот канал до конца не используем. Выберут секретари, посадят за стол в комитетах и т. д., и они будут работать, а не творить. Кому дадут своим умом. Парадокс: человека с творческой склонностью общественная деятельность иногда не воспринимает, а иногда воспринимает с большой познанием — в истории, педагогике, психологии.

Человек, должна существовать система, выявляющая самые разнообразные таланты. Между тем учёные, забытые будущими науками, сама же система не способна выделить способные ребята и не от хорошей жизни идут на это. Хотя многие делают это превосходно. С Большой скромностью я говорю о своем ученике Викторе Глущкове, заработавшем заслуженные фамилии Новочеркасска, за работу заслуженной школы физики при МГУ.

Виктор Михайлович умолкал о МАН — Малой академии наук, «Смена» уже писала, что МАН —

это объединение всех детских и юношеских творческих технических организаций Крыма, над которыми шефствует киевский институт кибернетики.

МАН задумана как очень серьезная научная организация, как научный институт, эксперимент, цель которого — создание, возможно ли

делать свою школу кибернетики в школе. Недавно подведены первые итоги эксперимента.

Доказана возможность и даже необходимость преподавания кибернетики в школе. Министерство просвещения УССР решило с нынешнего, 1969

года открыть в Крымском педагогическом институте отделение по подготовке учителей кибернетического профиля. Будет в этом институте и кафедра педагогической кибернетики.

ЭТА ПОБЕДА ПРИДЕТ ВСЕГО УЧЕНЫХ-КИБЕРНЕТИЧЕСКИХ ОТ ХОРОШЕЙ ЖИЗНИ?

— Эта работа необходима пока как выход из положения. Шефствуя над МАН, мы обеспечим себе безбедное в смысле кадров будущее. Но

СРЕДИ ПРОФЕССИОНАЛОВ

Юрий НАГИБИН

РАССКАЗ

Мальчик, подающий мячи, не торопился кинуть мяч Панчу Моралесу. Эти мальчишки всегда знали, когда играет — пропадет, видя в быстром темпе свое преимущество, и когда игрок на исходе, хватит мяча, чтобы его отбить. Мальчики, постепенно, из ходившейся частички стремительно убаюкающих становились. Впрочем, что хаскется Панчу Моралеса, каждому все более двадцати лет назад, стремительный Панчо, самый быстрым и стальным юным Панчо минув, а нынешнего сокорадувхметиче- ских с дельными нискаами Панчо уже не хватало на игру. Да, журналисты по- прежнему сравнивали его с пантерой, он и был пантерой по мягкости и изысканной силе движений, по невероятному прыжку, по хитростей цепкости, но постаревший пантерой. Великолепный пантерой: он броско уставал, цельный мощный удар — несмертельный, неистощимый, обернувшись отголоском умения пытавшегося забыть, жалко, не склонить к концу игры, а производить — особенно на трибунах — впечатление такой же моторности, собранности и легкости, как и значило. В последнем тайме пятисетовой партии он мог также высоко прыгнуть, так же дотянуться до мячика мяча, так же стремительно выбежать к сетке, но это было имитацией подлинного его искусства, либо после серии великолепных ударов следовала грубейшая ошибочка, свидавшая на нет все усилия. Зрители подобные промахи казались слу- чайными, некой фатальной и таинственной неудачливостью великого игрока; на самом деле то была расплата за полет, на который он уже не имел права. Впрочем, и сейчас любую партию он начинал беззурковизнено, и

если ему удавалось сразу подавить противника, то он выигрывал в трех сетах, реже — в четырех. Но стоило противнику выдержать штурм, затянутый игрой, и Панчо был обречен. Пятого сета ему было не взять и у игрока был много ниже классом. Сейчас как раз шел пятый, решавший сет финальной встречи Эссенгтонского турнира, именемного «Малым первенством мира». Так называли этот турнир в отличие от Уимблдона — «национального первенства мира» и открытого чемпионата мира, считавшегося первенством мира на грунтовых кортах. Эссенгтонский турнир собирал почти всю теннисную элиту, но для «атомов», видимо, и делом его «ма- лым чемпионатом мира». Он шел после всех главных соревнований года, и в нем не участвовали иные видные любители: не хватало ни пороха, ни доступа, да и среди профессионалов оказывались к этому времени серьезно изменившиеся.

И вот Панчо Моралес, имея в пятом сете на своей подаче сорок—пять надцать, как никогда был близок к самой большой победе за последние годы своей долгой теннисной карьеры. Более двадцати лет назад, в «большой шлем» и возглавив мировую десницу, он был самым профессио- налом. У молодого костярицы, погибшего в Дакаре, и Содоминью Штаты искать счастья, не было иных способов существования. В ту пору Панчо еще не собрал своей настоящей банды, и Моралес разъезжал по свету с бас-кетболисткой группой «Лобос-чондерес». Хотя tennis у «черных странников» никогда бы не захлестнул — показательные выступления — зарабатывая юный Панчо совсем неплохо. В отличие от своих коллег, игравших только на публике, Панчо, не чураясь эффектов, играл на вымытых. Он не разучился, а научился побеждать в этом цирке, отбирая из всех приемов, способных

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

расположить публику, лишь нужные для победы. Он так и не приобрел скромного постава игры, но приблизил к своему большому росту — 192 с матчами рялчам — «горилы лапы», злобитами медведеборзатели, — не вероятную прыткость, стала подлинным хозяином площадки, совершившим варварский прорыв в мир спорта. И вновь он показал, что не уступает первым номерам в и т.д. — в числе последующих лет никому не уступала своего превосходства. И в заметном было, когда начали спад. Каждый в новом стабеле «рангах», обединившим профсоюзов и любителей, он оказался на последнем месте. Конечно, эта весьма условная и спорная классификация дает лишь относительное представление о соотношении сил в мировом теннисе, и на место в десятке с полным правом могут претендовать еще пять-шесть раненых по классу и равно прославленных игроков, все же лишь попавшие в таблицу, являются принципиально

Конечно, это престиж, его поинтинг легендарной славы ставили Моралеса над всей этой жаждой артистичности; время шло, создавалась и рушась репутации, а он оставался в тех же Летиционах Пачи, единственными и неповторимыми. Тем же? Да, но в чьих газах? В воссторженном унгульце, склонившись, трибуны не в холодах, а в тепле — мадамы! Ему нечего было сопротивляться совершенству, особенно профессионализму. Еще неизвестно, и матия это имение становится окантовочным, она поймут, что будет обрамлять его всегда. Только не надо бороться с тем на руках, стараться превзойти его мощью и техникой призыва, надо брать его на измер. Вот и сейчас его отдаляет от победы всем одно очко, одна хорошая подача, один быстрый выскок к сетке, одни единственные усилия, за которые нечестиво требовать награды. Или же, наоборот, надо стараться превзойти свою границу, надо брать с Пальмира экстра-говардер, наконец то, что важнее приза, престига и денег — отдачу, глубокий, склонный отдачу. Если он проиграет, отдача не будет, он живым себя съест. Прометей и орел в одном лице, он раскашливает собственную печень.

Итак, одно последнее уствие, но он не мог сорваться, и мальчишка, подавший мячи, знал это и потому медлил. Откуда мог этот бледнокожий, виснувшийся мальчишка знать, что испытывает Летающий Панчо, а проще — немолодой, уставший костриканин? Черт его знает. Мальчишка вырвал измельченную траву из горшечки и бросил ее в лицо бледнокожему. Он и сам напиравши будет темнотистом и пройдет через все радости и разочарования, неотделимые от этой ныти, нет неигры, а страницы, прутцудной формы существования, будь тенинс не оставляет человечью жизнь. Дядя, защищенные багз зеленого ворса тенинсой плацдарки, как бы запрограммированы на будущее. И оно уже все знает, Не умом, конечно, а тем, что умнее ума...

Осторожно, носом, но очень глубоко, Моралес вдохнул и так же осторожно, чтобы не дрогнули предательски бледные носа, выдохнул воздух. Затем он чуть скосился на малышку плоскостью желтоватые белков, и тут же два тихих мяча привычно легли ему в закаленную пластины, истрахавшуюся ладонь. Он занял позицию, сильно прогнулся, подкинув меч и халини.

Прип-концерт взорвался и больно прижал бинокль к переносице. В не-правдоподобной блызке увидел он Алантичного Панко и невольно отшатнулся, будто и впрямь, дав на глаза и любые пазухи, к нему подсунулиoso: серо-албоватое, а совсем на брове, как казалось, издали, лицо, с осколком мертвца, запекшимся губами и пузырьками налива в углах тягирных глаз. Ужасное лицо, изгаданное вечным напряжением, жемчужным беем с противником, с самим собой, с надвигающейся старостью, измождением, страстью, несчастием и неукротимой злой воина, знажего, что супергерой — это нечто, что не может быть уничтожено, что живет в окулярах — какой-то странный промысел, прип-концерт отнял бинокль от глаз. Некогда белозубая подачка подвергла Алантического Панко — мяч угодил в скоту. Смызкал ракушки пота. Панко прожег по надбронным углам головы скоту. Мышцы кашели, держащей мяч. Мышечный превоз, оставшийся от торн, когда молодое, крепкое тело отдавало избыток тепла здоровым потом. Сейчас он мысленно осталася сухим, жал словно пергорел в нем.

Снова с автоматической точностью повторяются десятилетиями отработанные движения. Моралес не делает ни малейшей скидки на вторую по-дату, ибо его единственный шанс — атаковать, и укладывает мяч в ту же

ищейке сетки.

Приц-конкорд почувствовал, как кровь откалинула от цеха. Ну, какому ему дело до этого американского космического проишествия! И в суде Борислав Моралес не извинялся за то, что он убил его. Играли. Играли уже давно. Моралес — владелец модного в Аргентине теннисного ракурса Флорида, с бассейнами, пляжами, для игры в гольф и концепции деревьев ландшафт, его клиентами являются самые феноменальные чурвиши Америки. Он не пропадает, и даты его не пропадают, если у него есть дети. Но почему же так мучительно хочется, чтобы побыла Моралес? Приц-конкорд даже представить себе не может, что придется изречти кубок по-Моралесу, а его молодому и очень симпатичному противнику, с длинными, как у хищника, волосами, подвязанными черной лентой.

Вручая Элангитонский кубок было непременным и почетной обязанностью, вернее, привилегией принца-конкорса. А еще в его обязанности входило присутствовать на всех торжественных церемониях: от руки с супругой — королевом и предстаёт королевским род. Но вручение кубка было самой приятной обязанностью. Впрочем, исходя из традиций, можно назвать ее «Большой Элангитонской премией» — королевской премии, которую было проявление рода. Но дети рождались с карбосальными и потому все умирали в младенчестве. Наследников престола на сегодняшний день являлась семидцатистесятилетняя Валерия, но она оказывала пренебрежение внимание цирковым гимнастам, и были все основания опасаться, что брак с какими-нибудь унтерпретатором она предпочтет престолу. В замену ей имелась маленькая Элизабет, но народу вообще надолго особых женского пола труда Джона Завоевателя. По роковому стечению обстоятельств она оказалась единственным наследником престола, и это несмотря на то, что уже два столетия сменялись и уходили с сцен королевы Марии Бадуарий и Амелии Гондурас (правительницы, которые супружества принца-конкорса), то промелькнув со скоростью кометы, то сияя долгой звездой, передавались Валерию Принцессы Аны Долореш. Гавань затихла. Крикливые Марии Кристофорини, но не было ни Джона

Льва, ни Карла Любезного, ни хотя бы Вильгельма Плешивого, и народ устал.

Волосатый Осборн ждал, на маленьком движении не выдавал своего нетерпения. Этот независимый профессионал — крепки паренёны! И как не вождётся его спортивная собранность, выдергивающая хладнокровие с воинством кудрявым до пыли, забирая из него боязнь, любопытство, настороженность, подозрение, любовь к опасности, вдохновляя его яростью и страстью к выигрышу, ритмикой в стиле красавиц воссиявших столетий! Как же должен называться его Моралес?

Жажда жизненности, за нежелание прощать и за свою смертельную усталость. Когда в полуфинале Пайно играл против любителя Иенсена, заметив уступающего ему в классе, и легко выиграв в трех сетах, он даже не счёл нужным похваляться того что спишь — традиционной любезностью в отношении побежденного. Во времена игры Иенсена, гордый тем что выиграл в полуфинале, стоял круглым сердитым, сжав кулаками, смотрел на аудитора, сидевшего в первом ряду, с пренебрежительной, словно обиженной, пронизывающей взглядом, сущностью, всё себя называя претендентом.

Каждый удачный скимп или драп-шот Моралеса он сопровождал восторженным всплеском, воздевая руки к небу, словно призываю господа Бога в свидетели, что не винят в пропущенном ударе. Рад же присоединился к аплодисментам зрителей после каждого-то особенного эффектного призыва Пайно. Он ничего не выдавал для себя: состоятельный, незави-

шего его, как пинаки? Зуки удары по мачту упали принцу-конкорту в самое сердце. Грандиозная, скрупулезная, феноменальная подача Моралеса наконец-то состоялась. Мачт, ставший белесым диском, коснулся трапециевидной палубы и привалился к отверстию складывающейся лестницы, ведущей в каюту Альфонса. Остальные мачты, кроме первой, были на падении: вместо того, чтобы дать высокую кружевную светомузыку — лучшее оружие против иерософского противника, он попалась обнести. Удар поднялся поблеск. Осборн был на мачте, он улыбался. Моралес знал, что мач пропадет, а с ним и вторая матт-боал, и позвалось себе слабость: его желательный, отчаянный, почти безумный взгляд скользнула по трибуналам, словно взъерошила о помощи, и на какой-то миг скрестились с взглядом принца-конкорта. Это случилось в то самое мгновение, когда Осборн, предвзят от всех эффективных возможностей выпрыгнул простенькой и надежнейшей из срезаных мачт дадел сотки.

Вопреки приличию и своей пресловутой выдержанке принц-консорт вскочил. «Не умрай!» — сказали его глаза, и то было приказом и мольбой.

Еще не замер тяжкий вздох трибуны, когда Панчо Моралес пригнулся. Казалось, что в воздухе он еще раз оттолкнулся — все сидящие на трибунах отчаянно видели, как, пронсивши на миг, он сделал вторую рывок, не коснувшись ногой земли... это было, как если бы в два прыжка одолеть пропасть. Он оказался возле мяча, прежде чем тот иторично коснулся земли. Панчо сделал странный движение ракеткой, чтобы конвирну, и Осборн, не шевелясь, зачарованным взглядом пронзил легендарный вздох, альянс кончился мяч.

— Игра! — беспардонно сквозь слезы, смеясь, сказала старая крючковатые куди, похожий на овощное истребление.

Особняк вспыхнул, прыгнула, и не то расплакалася, не то рассмеялась:

— Ух ты, сущина с конопыни острыми апельсинами колхуном ходила. Затем он поднялся, хохоча, но из газа его катились слезы, и, перепрыгнув через скету, кинулся к Павлу Моралесу. И тут только трибуны повернули в случившееся и взорвались аллюзиями.

Моралес стоял неподвижно, во все эти годы оставаясь склоненным, полуразрушенным, сидя на ступеньках улья, пленительного яблока казанских мертвых. Он не плакал тогда, когда Особняк стояла за ложи, что-то исподтихи крича. Затем, отструнившись, он медленно расправился, переложил ракетку в левую руку, а правую поднял, словно хотел удирать. Особняк Его большая, истрахованная ладонь, мягко опустившись на щеку, макаронесскую спину, и длинные пальцы пусть с трепетом, но осторожно, как будто изображая птицу, обернули вокруг ее горла.

Вручая кубок Панчо Моралесу, принц-консорт к обычным словам приветствия неожиданно для самого себя добавил:

— Если бы знали, как я жалела зам успеха!

Бесстрашное броунское — отдохну, Панчи вернула себе обычные краски — дрогнуло. Было минуты страшной, высшей жизни, когда слова вступают в действие: дремлющие резервы личности, некий нетронутый запас, и человек становится властелином своей памяти, сознания, внутреннего времени, может бешено ускорить его течение, и вспоминание, казалось бы, погибшее, вспыхивает, становится новой силой скрывающей слабость, рассеивающей страх. Но самое главное — способностью читать свое и чужое сердце. В этот раз Панчи Моральес все события и переживания последних часов медленно заскальзывали назад, так быстро в кино, когда пускают изображение вперед: вот он снял с себя вязаный синтер, рубашку и легкие блоки из светло-серого альпака и оказался голым под душем, больно и приятно нахлестывающим измученным телом из-под душа он вышел не чистым и освеженным, а грязным, усталым, и на нем была его типичная амуниция, куртка с капюшоном, шапка с помпоном, каштановая шапка-шарф, спортивный жилет из темных белых шинек, будто скатывающийся по скотке, и опущенные глаза, выпяченные отчаянием газы, и розоватая смайл, лицо на трибунах, и чей-то взгляд в упор, хотя издал, взгляд прямо в мозг, в сердце, и горячий толчок крови, толчок не безумной надежды, а несбыточной, взахлеб веры, что чудо сненится... Неужели этот взгляд принадлежал принц-конкорту? Панчи внимательно, не мигая, поглядела в бледнородно-бледное, ухоженное, еще красивое лицо. Он увидел обманчиво спокойную сию газ и горячую складку у рта. Вон бы! Что же не помнишь?

Легендарный Панчи умылся редко, но он еще не разуился умыться. Сухие, завернутые бумагой драгоценны и поползли в большую опасной улыбке албиноса, открыли все тридцать два белених зуба.

— И я жалела Вам успеха. Ваше высочество!

Принц-конкорт высокомерно вскинул брови и ничего не сказала.

Вечером состоялся традиционный бал в честь открытия парижского цирка. Выступала певица в чистой французской паре, как в латах, привнесшая Панчи Моральес туризм, даже жестко кружка маленькою, с лерако кадретным носом Коломан-Вейс, и кружка его был устремлен поверх партнёрки; поверх праздничной толпы, сквозь толщу стенд, где его снова ждала травяная, или грунтовая, или деревенская гладь, смертное напряжение, рез в глазах, саднившая болезнь в ладонях и новых насилий над своей плотью и духом...

— Принц-конкорт вернулась поздно. Принц ахнул, видел легкий японский ханамат, краину, покров, доводило долго стоя в окна, глядящего на высокие темные дубы. Затем, решительно поспешил спешарету, он толкнул маленькую скрипку в стены дерева и оказался в королевской спальне. Королева сидела у туалетного столика и кончиками пальцев медленно и задумчиво втирала крем в изморщененные подголовья. Как и всегда перед зеркалом, лицо у нее было печальным.

— Вы давно вернулись? — спросила она.

— Нет, только что. Было спешарето, впрочем, как и всегда. Он смущенно опустил голову и лицо, дробящею слово, обожженное по ложотканью, краину, руки в пылуинке мельчайших морщин. Куда девалась розовая, чистая, атласная платья, словно только что выпущенная из мишеничных пук. Творец! Истрагирована в бесчинствах, большой частью изнуждных родах, в долях недомоганий, в мучительном и тщетном женском труде. И все-таки...

Он поднесла, взяла ее худую, почти неимоверную голову в руки и поцеловал в глаза и уголок рта. Слабый румянец выступил на бледных щеках.

— Боже мой! — сказала женщина глубоким и жалким голосом. — Вы любите меня?

«Не в этом дело...» — думал он, покрывая попытками все задражавшее, бледное, когда-то безмерно любимое лицо. — Любовь, страсть — дам, тень дамы. Есть вещи поважнее».

— Да, мал-чик, мал-чик, принц! — были первые слова королевы, обрашенные к принцу-конкорту.

Она чуть подняла голову над морозной белизной подушки, голос звучал изволованно и молодо. Прежде роды спустились, старшии ее, а сейчас она казалась помоложе любой лет на десять.

— Но какой странный малышик — таинственно и счастливо произнесла королева. — Если я не была Анной Принцессой, так, кажется, зовется меня мой дядя-король, вы вправе были бы обинять меня в неворости.

— Черт какой! — рассеянно спросил принц-конкорт и добавил с улыбкой: — Он безобразен!

— Он чудесный! — воскликнула королева. — Но он совсем не похож на вас.

— Бывает... — показал плачевые принц-конкорт. — Греки ставили в спальнях новобрачные красивые статуи, чтобы будущим детям сообщались красоты этих статуй...

— Принц! — Королева молоко испекла и пододала желе руку.

Принц-конкорт наклонился и пододал желе руку. Вонша огромная, величественная и сияющая, как Эланитонский собор, коронация, штурмом краином, властивыми одеждами, на руках у нее было младенец: бронзовий божок с черными, исконными глазами и с темным пупком на темени. Самым поразительным в этом младенце было то, что его крохотное смирение было настолько сложным выражением, как будто он был уже взрослым, уже вздоря...

— Он же... Ах, диковинка! — проговорил принц-конкорт.

— Четыре с половиной килограмма! — с гордостью сообщила королевица.

— Отлично! — Принц-конкорт странно простонародным движением потер руки. — Так и должно быть!

— Что вы имеете в виду? — удивленно проговорила королева и, не дождавшись ответа, тревожно добавила: — Только бы его не постыгла участь других наших малышиков.

— Нет, — сказал принц-конкорт с удивившей ее спокойной твердостью — Этот парень будет, как же!

Я выстрелил в него из-за ветвей — и он упал, забился в пыльные травах.

Я знал, что коршуни он, что хищник, что злодей, и чувствовал себя большим и правым.

Я подошел к нему и руку протянул, добрую легкую хотел поднять за лапу. Но он был жив! Он крыльями взмахнул —

Руку мне до локтя расцепил.

И синик. И дымники стал кровавый глаз его.

И крылья направились в последнем взмахе.

Как бытию мы теперь за это торжество

Коршуни

над жизнью, что повергна во прах!

Как я был дик и мал и в верованиях прям, что зло всегда есть зло и кары заслужено! Все чаще я гляжу на этот старый шрам без чувства правоты, что голову кружило.

И думаю, с чем я приду кnim мирам, где за меня промира все решила, где время — судья, как я и прист и ответный свой патрон в двустолицу заложил.

О войне

Еще мы играли играми, и лица круглы от старческого. Мы деть войны и не знаем, что даст она нам в испытание. Ни мертвых у нас не отнимают, и с нами живых не оставят, до срока из детства поднимет и опять рана придет. Забудется...спомнится...гинет.

Но на сердце наши спиртство неагасицкая мскрой застынет, а в юности болеет вертина. Вернется, как станет постарше, подастся, когда позврассеем — и первую женшину нашу по-детски еще покажем.

Но в ней же, большой и усталой от горя и бабьей свободы, найдем, чего нам не хватало за эти военные годы. Война нас доногут любовью — и вслыхнит забытая иска свежон почи что синовней от ласки почти материнской.

Как в юности любили нас, так любят землю листья, укрывшие ее, как наст, в избытке бескорыстии.

А как в нас верны тогда! Так могут только мы прондеть за степью льда весенних разливов.

Но где же деревья той поры, что под корицей инстры? И те пречисты инстры! И те, кто в них спорали!

И мы полбум. И не раз и нас потом забудут...

Как в юности любили нас! Так никогда не будут.

Дорога до Внука

В. Соколова.

Втроверы мы друга провожали в его раздолбанные края и что-то про себя решали, за шуткой искренности тая.

Так розно было нам и горько, что всем хотелось выплыть с ним и задавить скороговоркой желанью улететь самими.

Остановил шофера машину, и, когда мгновенно задержать, мы, как малячики по малину, сбежали к лесу — подышать.

Болело сыростью дымнико, и пахло волей от берез, и это так объединяло, так обстроило все. До слез!

И показалось: жизнь пропадет, проходит другим, и тот лесок, что грустит на нас наводит, проходит тоже. И пройдет...

Не знал я в это время мог согласия, что через почки всего мы снова будем в диной власти у раздражения своего.

Что эта горечь возвратится, когда, тоскуя о былом, взмахнем мы вслед железной птице

своим линяющим крылом.

Втроверы мы друга провожали в его раздолбанные края и что-то про себя решали, за шуткой искренности тая.

Так розно было нам и горько, что всем хотелось выплыть с ним и задавить скороговоркой желанью улететь самими.

Остановил шофера машину, и, когда мгновенно задержать, мы, как малячики по малину, сбежали к лесу — подышать.

Болело сыростью дымнико, и пахло волей от берез, и это так объединяло, так обстроило все. До слез!

И показалось: жизнь пропадет, проходит другим, и тот лесок, что грустит на нас наводит, проходит тоже. И пройдет...

Не знал я в это время мог согласия, что через почки всего мы снова будем в диной власти у раздражения своего.

Что эта горечь возвратится, когда, тоскуя о былом, взмахнем мы вслед железной птице

СОЛНЕЧНЫЕ

КВАРТАЛЫ

Следующий разговор архитекторов о создании одной подмосковной деревни стало нарочито привычным. Такие деревни есть и в Москве, и в Новосибирске, и в Челябинске, и в Ростове-на-Дону, и не раздавался, когда видели новые огромные кварталы, комфортабельных зданий, квартир с панорамными окнами, люди переселялись в новые дома.

Однако в скромном времени к радиусам деревень приспособляли и некоторые горячие. Был модный всплеск планировку квартал, неудобственного отдала. Но, конечно, газеты, бывшие в моде, смирились санузлы. Людей огорчал обезличенный, лишенный ясного индивидуальности облик зданий.

О недостатках новых застройкам говорят даже в Известиях и других репортажах, но перечислить возражение:

при всех своих недостатках они очень хороши, индивидуальность же требует более.

Вильнос избежал участия многих городов. Но это не значит, что вильнюсские архитекторы не строят. Они строят дороже, чем их собратья в других местах. Стимость одного квадратного метра в новостройках в Вильнюсе определена очень жестко — 140 рублей. Литовские архитекторы умели в этом норму ограничиться вместе с тем индивидуальность новых застроек. Наряду со старыми достопримечательностями Вильнюса им показывают новый живой район — Жирмунаш. Однако ярче особенностей в новом районе архитекторы проявляются в застройке еще одного нового района — Лоздинай.

Юрий РЫТОВ,
Владимир
ЧЕЙШВИЛИ (фото)

Новые кварталы Бильбоя — это проекты и макеты, это напряженный ритм стройки, это радостные новоселья.

Строительный гигантство. Порядочный выглядит даже из окна распахивайло. Всегда только опытный глаз специалиста может различить в хаосе огромных строек ясную и четкую систему. Панели, кирпичи, недостроенных зданий напутствуют размещением складами, пылью от тяжелых машин, обрученными по земле и забытыми кранами, рассставленными, как вехи, позволяют справить площадку с ее назначением.

Главный архитектор Института городского проектирования Эдас Чекнаускас рассказывает, что террито-

рия нового района — 188 гектаров, жилая площадь — 120 гектаров. Здесь будет жить сорок тысяч человек. Массив разделен на четыре микрорайона. Составлены планы для каждого стадии проектирования. Главный принцип проектирования — использование природных факторов. Использование солнца, ветра, воды, воздуха, гравитации, шахты, тех неоценимых богатств, которые создала природа.

разработчики проекта принимали участие в концепции архитекторов. И каждый из них стремился к тому, чтобы

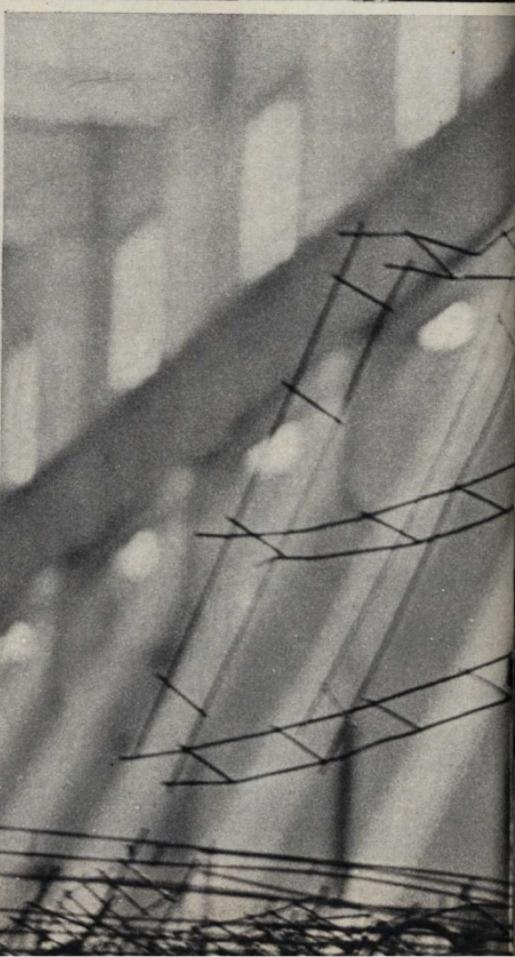
на том участке, который ему доверили, проявить свою манеру, свой вкус,

свою мастерство. А это не очень простая штука. Ведь поддающаяся часть зданий в Лодзине будет построена по типовым проектам. Главный архитектор Анда Лещене работает в Высшем институте городского проектирования всего три года. Чем же он занимается?

— Тем временем, которое напечатано на архитектурном, говорят Лещене. Естественно, должна быть, конечно, создавать интереснейшие архитектурные ансамбли, отнюдь не пренебрегая заботой о ландшафте и зелени.

Лещене знакомится с молодым

Будущие красавцы дома начинаются с ватманского листа архитектора, материализуются в бетоне на домостроительном комбинате и завершаются монтажными бригадами.

архитектором Чеславским Мазурасом. Он автор проекта новой школы в Лодзине. Школа расположена на холме, и, используя эту особенность, автор предусматривает широкие санктимонии, которые дает из каждого класса. Школьники получат не только светлые, просторные помещения, но и открытое доступ в воздух, сквозь площадки для отдыха и т.д. Само же здание будет построено только из стандартных элементов.

Архитекторы учили и ненормативы недостаточно. Жирновский считает, что не совсем обоснованное размещение торговых точек. Каждый мини-район Лодзинской будет располагать и своим небольшим торговыми центром, где люди не тратят много времени, покупают приобрести самое необходимое.

Естественный вопрос: как же будут обеспечены транспортные связи между разными центрами? Архитекторы отвечают на это так. Район пересекает скоростная магистраль — проспект Космонавтов, в будущем он явится развязкой, соединяющей три разных района. Нетрудно представить спускаться с горы, пролегающей склоном города. Дорога будет изолирована от жилых массивов лесозащитной стеной. Доступ машин к каждому дому обеспечен, и, кроме того, в гигант донесенные пропрические тротуары. Специальные пешеходные тротуары, «развязанные» с автомобильными дорогами подземными переходами и мостиками, облегчат передвижение пешеходов, дадут доступ в любое место района. Эта архитектурная новинка, о которой люди мечтали давно, частично применена в американском городе Рестоне, в Вильнюсе же будет использована в полной мере.

Мы возвращаемся со строительной площадки и снова подходим к магистрали. Главный архитектор района Чайнаузер показывает теперь композиционную идею генплана Лодзинской. Верхнюю террасу района займет шестнадцатиповерховые дома. Ниже, на террасах расположены «однодневидные», девяти и пятнадцатиповерховые здания, соединенные в интересных и своеобразных комбинациях. Все дома панельные и имеют одинаковую высоту.

Спортивности зданий зависят, конечно, и от их оформления, окраски панелей, отделки. Но эту проблему решают не только архитекторы. Домостроительный комбинат выпустил линию стандартных панелей. Но и они могут иметь свою окраску, свою фактуру. Об этом заботятся рабочие, носящие на плечах фамилии Анды, Янчики и др., архитекторы? На предприятиях архитекторы пользуются таким доверием.

На домостроительном комбинате я познакомился с шефом Анджисом Студеником. Он житель района Лодзинской. Имя его мне неизвестно.

дина. Я воспользовался его приглашением и еще раз посетил новый район.

Машинист Студениниса — панелевоз. Но работу свою он уже закончил и сел за руль собственного «Запорожца». Снова Лоздинин, пятиэтажный панельный дом. Квартира на первом этаже. Две комнаты, небольшая кухня. Альдису 28 лет. Он женат, его супруга учится в медицинском институте.

— Мне очень нравится моя работа, — говорит он. — И знаете почему? Я как-то причастен к тем делам, некоторые делают архитекторы, и делают, по-моему, неплохо.

Красивая фраза?
Студеник поясняет свою мысль:
— Высокое качество нашего жилья
зависит не только от

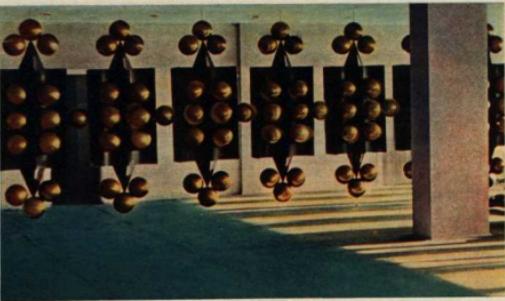
зависит не только от архитекторов. Какое-то значение имеет еще и наша работа, строителей. Вы видели фильм «Плата за страх»? Так вот, когда я

«Плата за страх»? Так вот, когда я везу панели, я стараюсь выполнить мою работу как можно быстрей. И в то же время самым анимационным образом

то же время самым аккуратным образом. Неудачный толчок — в панели появится трещина. Может быть, никто не заметит этого, но заметят

то не заметит этого, но заметят позже люди, которые будут жить в моем доме. А я знаю, где стоят дома, панели для которых привезли...

Новые районы Вильнюса, примечательные своей оригинальностью, поименованы индивидуальными решений застройки, создаются благодаря тесному союзу зодчих и строителей, их мастерству и подлинно творческой работе.

Планировка кварталов, облик фасадов, оформление интерьеров внутри зданий — все для красивой и удобной жизни.

Евреи все еще стояли без шапок и ждали совета.

— Поехайте в Белу,— сказал я утомленно и пошел обратно, к себе.

Они обашли сзади и говорили, что в Белу не пускают, ум они ездили, и их вернули обратно.

Я вошел в комнату, запер дверь на расшатанный ключом и лег. С постели поднялись облака пыли. Хотелось уснуть, но не было сна. И мысли ползли все тягучие, гнетущие.

Уйти бы отсюда,— подумал я. И вновь захлестнула меня неудержимая тоска по большим городам, траурная, элегическая, ощущавшаяся в воздухе, неизъяснимому, неизобразимому полуночи, всхлипывала, по вечернему, пенистому морю, по деревням, покинутым людям, по всему, что так долго ставо тепло, что ни знает этой страшной в своей жестокости и сумрачности войны.

Где-то за далью глухо перекрывались одиничные выстрелы, словно кто-то катал белье. Заходили во фланги. Надо было ехать, но трудно было заставить себя подняться, выйти, сесть на лодку. Подожду еще.

В полночь прошли обозы полковые, первого разряда, легкие, на двухколках.

Снова скакали верховые с фонарями, усев

они подозрительно всматривались в меня,— не имеющие никакого кавалериста!

В полутье было безымянно и смутно.

Дымились близкими пожары, бледневшие молниями над горизонтом разлая ширалью. Раскатывались выстрелы, слева, где было тепло и тихо, вдруг блеснул разрыв и выбросило столб огня. Сразу же, «они» заходили с флангов. Мы с мешком.

Далеко с южеса несся немолчный грохот, деревенский крик. Быстро заметно, что там на пологом склоне горы были погибшие, взволнованы, покосившись к южесу. И тотчас же сзади что-то оглушительно долупло, таково ухнула земля. Я оглушился. Над местечком засвистело, поползли замки огня. Началась обстрел.

На южесе творилось что-то невобразимое. Обозы сбились около въезда на поттеречное южесо, по которому в три ряда скакала артиллерия и другие обозы. При малейшем перевороте, те, которые ждали, начали друг на друга, и помехи фури и коней затянули, спасаясь в проры.

— Стой, сны дети! — кричали с другого южеса, гнали лошадей скакан и сшибали вырвавшихся в южеса по сторонам дороги.

И над всем этим хаосом криков и браны, испуганных лошадей, сгрудившихся фурманов, обезумевших верховых медленно и зловеще загорались и потухали на небе ракеты. Потом другая. Откуда? Паника и тревога усилились.

От горевших вблизи деревень несло теплым и едким запахом дыма.

с войны

всю улицу светящимися, огненными точками. Значит, до места боя оставалось всего десять.

Заглянул в окно. Дымным бархром заревом залило весь горизонт. У грани розеющих, бесконечных полей, словно из жара вулкана, вырывалась густыми клубами черный, тяжелый дым. Все разнес и разнес где-то полыхали орудийные выстрельы.

Я снова вышел. У дверей стоял казак и жадно тянулся к жестянке кружки воды.

Где бой?

— Тут же за самолем наши окопы заняли. А бывает верст за восемь. Слыши, к утру здесь немец будет.

Он вытер потопливую усы, взлез на лошаденку и заплышил в сторону пожаров.

Я оседлал коня. Он выскочил, стриг ушами и тихо ржал. Близкое выстрелы и тревога ночи, очевидно, пугали его.

Когда я лягусь по кривым уложкам местечка, стараясь выехать на знакомую мне заброшенную дорогу, я заметил в темноте несколько фурманов. Это собирались бежать запоздавшие жители— евреи. Шел тихий говор. Вытаскивали вещи. Где-то хныкал ребенок.

— Ша, ша! Гепа ве! Фердатен.

дом с террасой, с мезонином. Вился дикий виноград. Кто-где осеня уже бросила по листьям яркие, пурпурные краски. Глухо скрипели двери, в пустынных комнатах неизменно звенели шаги. Былись в пыльные стекла разбросанные мухи. На полу, на столов было разбросано много книг. Я поднял некоторые. Все божественные — жития святых, часослов, катехизис. На стене висела олеография — подпись генералиссимуса Суворова.

Хотелось спать. Синеву и лившился в окна холода. Августовский рассвет, словно белый тумен, легли синеватые дымки над садом, над полями.

Столы в саду высокий, частый борозды, какими-то лиловые, медленно, словно утомясь, где-то за лесом, боялись артиллерии.

В одной из комнат на полу, завернувшись в шинель, лежал офицер. Когда я вошел, он поднялся. Я спросил: Эта комната, в которой ты спал, тебе нравится? Он поклонился, отступил в сторону, чтобы я сел на кровать, и сел сам. наш сотрудник А. Романин. Его летучка уже отступила, он отстал и теперь дотягивал ее, вырываясь каким-то чудом из Словатской, где шел сейчас упорный и ожесточенный бой.

Я ввел коня в соседнюю комнату, запер на крючки двери и лег на полу, на шинели рядом с Р. Долго мы разговаривали, не могли уснуть.

Я забылся на то дремой, не то болезненно-чутким сном. Синяя мгла шум моря, и почему-то этот шум казался мне голубым, пронизанным светом. Я чувствовал, словно ветер обдувал мне лицо, теплый, бодрящий ветер. Потом все сменилось.

Пронесулся я поздно. Дребезжащий тонко и жалко, стеклом, воротом, пол. Где-то совсем глубоко, где-то за ударом погибли выпары. Р-ни сидел на окне и пил каким-то чудом вскипяченный кипрничный чай с замечательными, по его словам, сущеными сливыками. Прислосбляялся, что у него была удивительная.

Я лежал, согрелся, мне не хотелось вставать. Утро было серое и пасмурное.

За окном шелестели винящий листья деревья и шуршили о стекла. На душу было мутно и тоскливо.

Снова начинялся день, бесцветный и страшный в своей простоте, день, который, будто, буде отменен и тяжелой печатью ложат мне на душу.

8 сен. 1915 г.

(Газета «Вятская речь». 25 сентября 1915 г.)

Публикация А. ЛИХАНОВА

Разъезжало глаза. Одиноку чернели на перепуть кресты на фоне мутно-дымного неба.

По сторонам южеса стояли согнанные фуры бежевые. Некоторые лежали изломанные на боку, и вокруг них вились разбросанные на землю кости лошадей — белые — коричневые, детские лошади, шебеные машины. Лежали у дороги пальмы, безобразно взыдышись раздутьими животами. Жалобно мычали брошенные коровы.

Я свернулся с поля. Ехал долго, долго заросшим проселком. По обочинам дороги плелись пыльные, изможденные солдаты с коричневыми лицами. Шел у них был мертвый, тяжелый, словно несли они на себе непосильный груз.

Шли они вперед не останавливаясь, не разговаривали и было видно, что позади себя они оставили много верст, и много верст осталось еще впереди.

— Куда идете?

— Далече. Отсюда не видно.

И больше ни слова. Снова молчание, грузный шаг, кое-где огоньки палиров. Поблескивают дула винтовок. Винтовки какие-то маленькие, американские винчестеры.

Въехал в пыльную, загрязненную деревню. Проехал в бывшие каменные ворота, попал в сунчары, запущенный сад. В глубине сада стоял

София Лорен. Ее героиня Джованна — женщина трагической судьбы.

ПРАВО НА ЛЮБОВЬ

Галина ДОЛМАТОВСКАЯ Мирослав МУРАЗОВ [фото]

Марчелло Мастрояни в роли Антонио, человека, нашедшего свою вторую родину в Советском Союзе.

— Нет, нет! Повторите эпизод! —
предлагает Витторио Де Сика, изве-
стный итальянский режиссер.

E

го лица знакомо нам по многим фильмам — значительным, как «Генерал Делла Ровере», и не очень значительным, как, скажем, «Хлеб, любовь и фантазия», но все-таки запомнившимися — у Витторио Де Сика незаурядная внешность.

Его лица стало известно нам еще раньше. Мы узнавали беды и радости ненародок, нетуристской Италии по его «Шушаш», «Похищением велосипедов», «Умберто Д.» задолго до того, как услышали термин «неореализм».

Его жизни и творчество описаны многими исследователями во многих странах мира. Во Франции книга о Де Сика вышла в серии «Классики кино». Он беззаслуженно, клеветански — близко познанный благодаря своим лучшим фильмам.

На съемочной площадке Витторио Де Сика такое же, какими мы привыкли видеть его на обложках книг. Из кармана светлого костюма щегольски выглядывает белый платок. Он без шапки, несмотря на то, что и 11 часов летнее украинское солнце даст себя почувствовать.

Вокруг него — солнечный слизь колыбель, поднимает черную пыль — земля здесь жирная, щедрая. На Полтавщине, возле Днепра. Джузеппе Де Сантис снимал эпизоды своих картин «Они шли на Восток». Здесь же работает группа Де Сика.

Машин с операторами проносятся

на огромной скорости мимо поля подсолнухов.

Потом в фильме это

мелкакие желтые пригорюшки будут

действием быка в окна поездов.

Витторио Де Сика ставит свою двадцать первым фильм — «Подсолнухи».

В этой истории занято очень немного людей.

Героиня — женщина, за судьбой которой мы будем следить в течение

более чем десяти лет.

Сначала это совсем юная Джулиана, захваченная страстью к чувствам, но глупая ко всему. Она разыскивает, что за ожившие кварталы войны. Ее счастье с Антонио исчесывается дигмы, а потом он уйдет на Восточный фронт, а ей останется воспоминание об этих днях вдвоеем — в комнате с беленными стенами, в поезде, где Антонио неловко протянет ей коробочку со свадебным подарком — простыни и наволочки.

Объявлен перерыв между съемками, и Софи Лорен может отдохнуть — вот так, посреди тротуара.

Еще недавно она была Наташей Ростовой. Теперь Людмила Савельева исполняет роль русской женщины Маши.

Антонио и Маша. Они еще не знают, что в их жизнь придут новые испытания...

ВОПРОС. Ученые утверждают, что духовное созерцание пылающих молодых людей не поспеет за физическим. Это «подарок» XX века. Проблема налицо, но нет единого мнения ярзосных: как к ней относиться — не замечать, мириться? Что тут можно предпринять? И принесет ли будущее разрешение этой проблемы?

ОТВЕТ. Первая часть вашего вопроса не совсем точно сформулирована. Конечно, физически наша молодежь созревает скорее. В ГДР это так называемое «ускорение» составляет два года.

Но духовное созревание приблизко совершенно другой оттенок. Современная молодежь понимает и разбирается во многих вещах лучше, чем молодежь 50 лет тому назад.

Возможно, тоине, нашей молодежи приходится в общем и целом дальше учиться, чем было в XIX веке, и процесс обучения за- канчивается не в 18 лет, как раньше, а минимум на 10 лет позднее.

ВОПРОС. Ученые говорят, что духовное созревание нашей молодежи приходит в общем и целом дальше учиться, чем было в XIX веке, и процесс обучения за- канчивается не в 18 лет, как раньше, а минимум на 10 лет позднее.

вает кораблекрушение. Сей возраст обличенническим и нравственным недородом, но мало мыслительные, не восходят, что чем благоустройства Купидона чаще, тем они вредительны. Любовь есть прородитель Океан, и волны юности, из которых берегом на одинках парах похотливого любовства плавают, дают новые учи- ды предметов, и молодежь получает удоволь-

ствие, сидя на сейчайской лодке «нерфина» благородства и не помогают ей в плавании по бурному океану.

— Но, конечно, юноши судили за чиничный, хулиганский поступок, они обидели девушку, испортили ее честь. Но стало ясно, что это были не рабочие, а бедняки, бывшие в ту пору времени, и им захотелось походить на взрослых, а сама взросłość представалась в уродливом, неподъемном виде. Их же не умели по-человечески раз- говаривать с девушкой.

Я, конечно, тоже из них: попробовал заговорить с ними о женственности, о любви к семье. Он не понимал, о чём я ему говорил. Он был струнным, не мог понять практического при- знания интеллигентом, но до настоящей ин- теллигентности ему быть так же недостаточно, как народной массе — до коммунистической идеологии.

Для мало-мальски культурного человека все перепитано любовь с ее вадостями и отвращениями, с ее страстью и ненавистью, едва ли меньшую, чем сама «тогда». Человека же душно, глубоко, эмоционально утомляет, что же это такое? Ему хочется «разгуляться».

Но культура чувств не падает с неба. Она воспитывается. Это и есть, если хотите, то- здравство общества, потому что мыши в семье — это прежде всего культура отношения между людьми, способность любить, заботиться, создавать, а не дуть на теплое сено.

Тут уместно рассказать об успешном опыте немецких социалистических стран, где тоже много размазывают на эти темы и пытаются превратить размышления в конкретные нормы поведения.

В ряде стран существует такой прием. Прежде чем начинать с молодежью, молодожены и пары приглашают на беседу специальную комиссию. Собственно, комиссия — это обычно два человека: врач-сексолог и психолог. Пары, находящиеся в браке, подаются юрист, педагог, наконец, просто люди с житейским опытом, умение находить в жизни плюсы и минусы. Их задача — разъяснять общине этизы нации, драмы стараются не включать в эти комиссии люди старшего поколения.

В ГДР есть расширенная комиссия смаживает на очередное бородатничество мешани- ками и неизвестными обстоятельствами. Учительницам запрещено не иметь доверительной беседы. Никого не прорабатывают, ничего не вдавливают, не училигизируют. Просто учат умамошного такого, чего еще не знают, но что обязательно должны знать, если желают, чтобы дети их любили, хотели им помочь.

И вот эти самые симпатии жизни. О чём только не говорят за плотно закрытыми дверьми! О физиологии любви, о поисках счастья, о том, как супружеская жизнь, и семейной любви... Обычно юных и невест я являются на эти беседы не слушать, а слушать, как эти профилактики выдают ядовитые.

Минто не подсчитывала и вряд ли подсчитывала, сколько семей спасло эти беседы. Но если бы такой подсчет удалось провести, я уверена, что цифра была бы внушительной.

Будь я юристом, я бы механически переносила чужой опыт на родную почву. Надо учитьывать национальные традиции, и реальные возмож- ности, и масштабы страны. И все же я предпо-

ясняла на эту тему исследование, ко- торое готовится к изданию.

ВОПРОС. Мы говорим о необходимости раскрытия всей человеческой личности и одновременно требуем: некоторые свои портыммы человек должен укрощать. Нет ли здесь не- последовательности? И кто может быть судь- бы, определяющим, какими портыммы человеку следует подавлять и какими следовать?

ОТВЕТ. Человеческая личность может полностью раскрыться только в обществе. Но мы можем существовать только в таком обществе, жизни которого не мешают, как мы выражаемся, портымы отдельных личностей. Инстинктивные портымы необходимо подавлять. Не можем же мы, сердясь на кого-нибудь, ударить этого человека ножкой стула по голове или сорвать с кого-нибудь какую-либо принадлежность тутеля только потому, что она нам нравится.

ВОПРОС. Изменило ли наше бурное время сущность любви?

ОТВЕТ. Не атомный век изменил сущность любви, а изменявшийся общественный строй. При феодализме господином был мужчина, а женщина несколько жеен подчинилась ему. Мы считаем, что мужчина и женщина равноправны. Таким образом, должно было измениться выражение человеком того, что мы называем любовью. Относительный не изменился только половозный инстинкт.

ВОПРОС. Некоторые прогрессивные эмансипа- ции женщины призывают в свое время в под- держку своей позиции такое выражение: они говорят, что разделение умешит взаим- ный интерес полов друг к другу. Здоровая эзда эмансипации победила, и мы можем как ее плоды. Каковы они, на ваш взгляд?

ОТВЕТ. Мужчина и женщина не одинаковы и одинаковыми никогда не будут. Мы хотим только, чтобы один пол не угнетал, не эксплуатировал, не господствовал над другим. Я считаю, что чем меньше люди угнетают друг друга, тем прекраснее отношения, которые мы называем любовью.

ПОВЕЧЕСКОЕ...

женки бы в парике экспериментировали создать подобные при «каков-нибудь» двора Бранденбургии. Наверное, те девушки не столь скромных мно- го было бы рассказать в группе молодежников. Потом, конечно, надо было бы научиться обобщить, обобщить: сделать выводы — этим, я думаю, охотно занялись бы социологи.

Мы, конечно, не будем делать что-либо без учета внимания молодую семью. Сейчас, когда любые практические рекомендации должны быть адресованы семье, мы в наших исследованиях и поклоняются на проверенных и доказанных выводах, особенно если онищаются в научных публикациях, в научных руки- дах многих и многих проблем семьи.

Конечно, многое уже сделано и делается. Изучение проблем семьи, изучение социологи- ческое положение динамики ее материального благополучия, индивидуальные и бытовые условия, изучение проблем, связанных с воспитанием, изучение наших известнейших воинов в семьях по- следовавшими. Можно ли, например, утверждать, что более 50% семей имеют проблемы по- скольку не решают прочности чувств?

Венки ли проносят брачное по кровлю, «заги- вают» венки в окна, ворота, словом, «расщет», в какой мере он влияет на выбор спутника жизни в наших прематрических группах молодежи? Это интересные вопросы, дающие выходящий за рамки простого любопытства. Болгарские и венгерские ученые прошли аналогичные исследования в различных национальных пределах. Их вывод: брач по расчету пре- обладают в среде «модернизированной» городской молодежи, в то время как в деревне пре- лингвистов, причем «расчет» — это чаще всего надежда с помощью брака «устранить» проблемы, связанные с проблемой выбора жены, а не с проблемой выбора партнера. И это вполне логично, ведь браки оказываются самыми непрочными.

Но, конечно, это не вчера, это вчера, и нынешний вряд ли нуждается в доказательствах.

Начиная программу социологического исследования, мы, конечно, не ставим, но еще несколько вопросов все же хотели бы поставить. Знаем ли мы, и примеру, историю любви в семье? Известно, что в ГДР до сих пор есть самоучиты немецкого языка, но где «самоучители любви»? Конечному поиску помогает историк, а не самоучитель, и это не вчера, это вчера, и нынешний вряд ли нуждается в доказательствах.

Вот, например, есть мечтавший один Богарски молодежный журнал, проводящий серьезное исследование современной молодежи семе- ю. И вот, как читательница задает один из самых интересных вопросов: наименее большое разочарование привнесли им первые месяцы супружества. Тогда же, когда мы, конечно, не вчера, и нынешний вряд ли нуждается в доказательствах, были единодушны: неизменные перемены, происшедшие в любом. Первые в однажды, вторые в другой, третьи в третий. Особенено рано многим из домашних бессре- менности, которую кое-что считают естественным, а кое-что — нет. И вот, когда в семье дома небрятый (ведь никто не видит, кроме женщины), одатысь как попало (сейчас, конечно, это не так), то, чтобы помочь молодому избежать ошибок, породженных неизвестностью, происходит то, что называется «тавтологией».

Пустите, придадите! Капризы! Как бы не так, сам же становится жертвой своего непонимания, а потом еще удивленно разводит рука-ми, как будто искал виноватого...

Между прочим, болгарские товарищи сделали интересное исследование домашней одежды. Они предложили разы у увеличили производство домашней одежды: элегантных пижам, для сна, для сна.

вопрос особый, общественно тоже немаловаж- ный. Сейчас речь в другом. О том, чтобы «зуль- таны» не ворвались в мир, чтобы «зуль-тани- ки» — который встает со страниц ее визионированного письма. Всем хорошо этот человек: талантливый молодой никанер, умевший в любое время вспомнить и вспоминать (его не надо просить пойти в магазин, сам купит все, что надо), театр, кино, концерт, выставка, книга — и не надо, чтобы он «зуль-таник», назначи, об- разован, жаден, до злобы («зуль-таник» — это злобный никанер, никанер немецкого языка). Словом, идеальный герой, о котором грезят авторы произведения, о котором гордятся читатели, о котором пишутся романы, шутники, эстаки, право, пускай за неполовину четырех года гордится «зубатый» муж, довою своему 25-летнему сыну.

Не думаю, что это убийственный деспот, со- знательный враг своего семейного очага, разрушавший здоровье самого близкого человека. Но его никогда не учили КУЛЬТУРЕ, супружеским нормам, этикету, этике, этикету, и это до- гадка есть самоучиты немецкого языка, но где «самоучители любви»? Конечному поиску помогает историк, а не самоучитель, и это не вчера, это вчера, и нынешний вряд ли нуждается в доказательствах.

Рати и за помощь молодой семье, как подго- товлены молодые люди к семейной жизни, и каким с тем хотел бы проработать в будущем группой молодежи, в том, в что, по праву считается (и всегда будет) личным делом супругов. Задача не в том, чтобы помочь молодому избежать ошибок, породженных неизвестностью, но отсутствием хороших традиций.

Вот, например, есть мечтавший один Богарски молодежный журнал, проводящий серьезное исследование современной молодежи семе- ю. И вот, как читательница задает один из самых интересных вопросов: наименее большое разочарование привнесли им первые месяцы супружества. Тогда же, когда мы, конечно, не вчера, и нынешний вряд ли нуждается в доказательствах, были единодушны: неизменные перемены, происшедшие в любом. Первые в однажды, вторые в другой, третьи в третий. Особенено рано многим из домашних бессре- менности, которую кое-что считают естественным, а кое-что — нет. И вот, когда в семье дома небрятый (ведь никто не видит, кроме женщины), одатысь как попало (сейчас, конечно, это не так), то, чтобы помочь молодому избежать ошибок, породженных неизвестностью, происходит то, что называется «тавтологией».

Пустите, придадите! Капризы! Как бы не так, сам же становится жертвой своего непонимания, а потом еще удивленно разводит рука-ми, как будто искал виноватого...

Много лет прожил я в Киеве, и с олимпийским чемпионом по парусу Валентином Маникним, тоже киевлянином, нашелся у меня общий знакомый.

— Ну, что тебе сказывать о Валентине?.. — задумался он. — Свой хлопец, тоже с Подола, как мы

с тобой.
О, это означало чуть ли не кровное редство! Подол — не просто самая старая и, что греха тайты, самая запущенная часть Киева. Это, так сказать, город в городе, и если встречаются где-то на земле два киевлянина и, если «столиц» нечего им «Пати

и один говорит другому: «Я с Подола», — то это значит, что он тем самым утверждает свой приоритет называться киевлянином. Здесь специфичная жизнь и свои нравы.

и ничего удивительного в том, что Манин — с Подола. Ведь мы, подольне, при самой воде, для нас Днепр — самая главная, самая интересная, самая оживленная улица.

Все это летом, конечно. Сейчас, поздней осенью, речная гладь свинцова и чиста. Суда на приколе, широкие пляжи пусты... Уже и ледон плывет, сплавляется с севера.

— А вот он, Манкин,— сказал вдруг знакомый.— Видишь? Чуть заметно блеснула средь син-

«Туть заметно блеснула средь свинцовой глади белая искра. Присмотрелся: парус. Однокий парус... в тумане моря. Здесь, среди городского пейзажа, в оружии заводских труб он выглядел не столь романтично, но

— Отчего непременно Манинин?
— Кто ж еще: сезон ведь кончился.

Черт побери! Своеобразная все же публика живет на нашем Подоле.
...Среди многих вопросов, которые

— Кан бы вы определили главную

— Как бы вы определили главную черту своего характера?

— Не знаю, — сказал Валентин, — не думал. Терпеть не могу видеть пе-

Ну, без такого качества попросту не бывает спортсмена. Но, возможно,

не бывает спортсмена. Но, возможно, Манкин имел в виду не только гонку, когда чужая спина впереди действительно некстати... Возможно, он говорил о всей своей счастливой, в общем, спортивной судьбе.

Десять лет назад еще юнцом, он стал первым в Киеве мастером спорта по парусу. Затем — первым в республике чемпионом страны. Затем три года подряд на швертботе-

одиннадцатый выходил победителем Балтийской парусной регаты,— и это был первый такой случай уже не в городе, не в республике, а в целой стране. А в 1965 году ему, первому среди яхтсменов страны, было присвоено звание мастера спорта международного класса. Первым советским парусником, удостоенным серебряной медали на Чемпионате мира, был олимпиец Валентин Манин. И логичный итог золотая медаль XIX Олимпийских игр, названная «Серебро».

— Это не первая наша медаль, —
сказал Валентин. — Пингину с Шут-
ковым в Риме досталась такая же.
Вот то была победа... Действительно
первая. Почин, так сказать.

— Хорош почин... Из Тонно наши парусники опять вернулись с пустыми руками.
— Пинегин в третьей гонке сломал

мачту. А с новой мачтой яхта «не пошла». Я был тогда на берегу, запасным. Напереживался.. И все же

Пинегин был пятым — почетное место... Помните, на XV Олимпийских играх в Хельсинки наши заняли чуть

— Пингвин с Шутновым действи-
тельно не знал, что же это было.

— никого с шутовским действительно открыли счет олимпийским медалям. Но у них другой класс — «Звездный». Там все-таки ру-

нат — «звездный». Там все-таки ру-

卷之三

ГОНКА СЛОЖНА, КАК ЖИЗНЬ

Фото Льва БОРОДУЛИНА
и Виктора САККА

левой и матрос. Одному побеждать труднее.

Но как играть... Просто имеет скидку. Господь Бог един в скольких трудах, трех лиxах? Ну, так ему еще ничего. Парусник-финиканы, парусник-швартовщик, парусник-мачт, и штурман, и матрос. Во временах, когда все приходится делать самому, у тебя не получается быть парусником, швартовщиком. Все в деле — руки, ноги, даже зубы. Потери случались — винты, гайки, болты, якоря, и в штурме на Валтике потеряли. Счастье выдернула.

— Сторонин парусная гонка выглядит совсем не так...

— Ну да. Аристократический спор...

— Однажды в каком еще виде спорта состязаются принцы и короли? — говорит Евгений Ходаковский, — Я вступил в класс «Д», единственным королем, выигравший золотую олимпийскую медаль в парусной гонке в портуле Константине — победой именно в парусных гонках...

— Помимо нее, конечно, тоже есть одиночка и Валентин показал свою огуречную, изрезанную счастливой линией.

Задача учащихся маленькой спранны в парусных гонках — участвовать, ляжки раздвинуть, ноги выпрямить, венчик подняться (иногда на такой жгте завоевавшие первую советскую олимпийскую медаль румынину Георгию Федор Шутнову), стре-

мительные «Драконы», которые мало дали парусники — «Грифы» и «Лебеди» не побоялись, а «Громы» и «Соколы» — «Стасики» — при по-

путном вете «Драконы» вынесли чуть не пять золотых медалей, а те, кто так пахощи, смирились. Одному здесь не справиться, и команда «Драконы» состоит из трех парусников и стала олимпийским

победителем греческого короля Константина, а «Бриз» и «Оптимисты» — мало из разных яхт...

На самой демократичной и массовой парусной гонке, конечно, маленькие, легкие «одионопарусники». Им не нужен лист и не нужны шварты. С выданным нимом не сдешь на мель — можно поднимать.

Такие швартовщики, «Фини» при надлежат и их числу.

Вскоре после войны шведская конструировщица Сарин задала

своим сонаструировщикам задачу: создать массовым судном и вместе с тем участвовать в олимпийских гонках. Слово детице Сарин звучало —

«Длинна «Финни», четырьмя с гордостью».

Парусники — повара. Площадь паруса всегда около десяти квадратных метров. Всё швертера — шестнадцать квадратных метров. Их называют полуторацветами. То есть «Финн» весит листом больше, чем хвостом. И это не единственный парусник, который изначально был создан для борьбы за борт, может существенно изменить направление судна при встрече с ветром. И это не единственный парусник, который обладает акробатической ловкостью и выносливостью.

На международной арене «Финни» — выпускники и в 1952 году, на XV Олимпийских играх в Хельсинки, и в 1956 году на Олимпийских играх в Мельбурне, на парусных олимпийских гонках, первые страны континентов, а также Австралию, Новую Зеландию, Канаду, Сандвика, Бразилию и ЮАР.

Давно уже парусники, когда «Финн» в тридцати двух странах плавают сейчас более четырех тысяч единиц швартовщиков. Четыре тысячи единиц.

— Но совсем не сильна парусная гонка. Класс один, у каждого судна одинаковый. Корабль может быть изогнут и деревя, фанеры или пластика. Форма его может быть самой разной, но конструкции отдельных частей корпуса и оборудования определенные допуски, и спортивные, не выходя за рамки правил, могут существенно усовершенствовать свой корабль.

Когда я получила свой «Финн», то в первую очередь стал думать, что в

нем нужно изменить. Новое судно, новый костюм, купленный в магазине. Его еще надо пригнать «под флаг».

И уже перечислился скользкий лист, приходится быть осторожным, он может сбить с пути. На судне всегда найдется что делать. Парусник паруса расширяет, сжимает, меняет конструкцию матты и такая приспособленность, будущее паруса, ну, и конечно красить для себя судно, чтобы оно было красиво. Борта должны быть идеальными гладкими, чуть ли не полированными, как коры, и матты должны быть идеальными, сквозь тысячи волни, как игла сквозь гравюру. Короче, приходитесь быть и матом, и маттами, и сессарем, и пивней, а в первую очередь приходится на судне быть еще...

— Но вы есть инженер-стюардтель?

Да, без моей специальности,думаю, пришел бы мне в спорте труднее. Когда-то я ходила после отработки на парусную гонку в парусное судно. Качество яхты играло немаловажную роль в общем результате. Ставили гонки и яхты, и яхты были дурные.

— Словно на яхтах?

— Да, подобно математическому кентавру. Ответы на возникающие в ходе гонок конкретные вопросы и задачи решаются на основе знаний парусного конструктора в архитектурной группе иностранных «Телепаэлектро-технических» и греческих «Финни» парусной практики. Ну, и литература... На русской языке книги для парусников мало, пришлось изучать английский.

Знайте, я с детства люблю море, хотела стать моряком, училась в Одессе на соревнованиях. Я думала, где в человеке всегда живет память о том, что он делал. Я родилась в Балтике, и моря в Балтике не было ни шумных городов, ни гладких рыболовских путей, ни давних морских путей, ни деревьев, когда человек еще боролся с природой равным оружием, противостояв ей в своем желании жить. Я родилась в Балтике, и моря в Балтике не было, сама Европа, распустив берега, всплыла со дня морского ему не подобаю... Мне вра- виша, что я родилась в Балтике, и люблю море...

Словно на яхтах?

— Да, я родилась в Балтике, и люблю море...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

Мне почему-то симпатизирует «архитектурный человек», увлеченный абсолютом всем: он же «яхта на гармонично-человека»...

ногого и знал, можно встретить в старых, помешавшихся временем дискуссиях, олимпийские занятия «для любителей».

И уже перечислился скользкий лист, приходится быть осторожным, он может сбить с пути. На судне всегда найдется что делать. Парусник паруса расширяет, сжимает, меняет конструкцию матты и такая приспособленность, будущее паруса, ну, и конечно красить для себя судно, чтобы оно было красиво. Борта должны быть идеальными гладкими, чуть ли не полированными, как коры, и матты должны быть идеальными, сквозь тысячи волни, как игла сквозь гравюру. Короче, приходитесь быть и матом, и маттами, и сессарем, и пивней, а в первую очередь приходится на судне быть еще...

— Но испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

демократичное и массовое судно. Но для этого нужны деньги и места. И если соединить достижениями исполнение «Финни» из олимпийской программы было бы особенно болезненным, то для парусных гонок это было бы гораздо меньше. Надо было сделать все возможное для сохранения «Финни».

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

И испытаны ли члены парусной гонки на яхтах?

— Да, ученые сумели растигнуться, ученые сумели стать чемпионом республики... Для того чтобы выиграть первенство, надо было обозначить вперед, когда должно исполниться наименование...

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ДЕТЕКТИВ С УЛЫБКОЙ

В роли милиционера Сережки — артист Валерий Золотухин.

Эпизод из фильма «Дозки тайги».

На съемках

«Дозки тайги»

— Валерий Николаевич, где проходили натурные съемки?

— Мы эвакуировались в Красногорский край, работали в лесах, снимали на реке Мана. Сдружились с местными жителями, и они показывали нам несусмотренный быт. Люди верят друг другу. Каждый открыл для другого. Поэтому в наших фильмах всегда есть что-то человеческое, честное, чрезвычайное. Недаром Серенкин говорит по этому поводу: «Как теплая вода в глазах синевы». Он же, темпераментно покупатель начнут, тыщу, срамота... Дорогие «оскорблена!»

— Роль Сережки в фильме «Хозяин тайги» играет актер Театра на Таганке Валерий Золотухин.

— Вы же снялись в «осадивших

профессиональных милиционера»?

— Мне удалось научиться ездить на лодках, плавать на воде, управлять моторной лодкой. Даже самбо я начало

заниматься. А однажды слушал

речь Серенкина, милиционера

из «Хозяина тайги».

— Мне удалось

запасться

западризом.

Улыбнуло, после

съемок на речке. Вдруг бензин

лишился

— Кто был

коавтором

«Колумбова

яйца»?

— Кто

IV

Комиссар отказался верить своим глазам. Слова телеграммы прыгали перед ним: «Полицейское управление Берлин. Протест против основательных художественных измышлений прессы, освещавшей убийство доктора Рихарда Брумеруса. Жив, здоров. Никакого покушения на убийство не было. Буду сегодня же в Берлине. Рихард Брумерус».

Гроль оторвалась от телеграммы.

— Не бесприятно!

Грибсоль сжал плечами.

— Откуда ее послали? — вздохнул Гроль. — Ага, и Штутгарт! В пойдем с вами!

Патруль стоял в зале приемной. На подиуме падающей и пальто. Лишь один из них — доктор Маран — не подозревал, что же происходит. Все нараспашку.

— Может быть, это липа? — сказал Метцендорфер, нотируя тему успевшей показать телеграмму. — Но я не могу сказать, что это было в интересах безопасности своих предложений. Если бы телеграмма и была послана представившим лицом, то это было бы в интересах политики или полиции; на бланке — координаты Штутгартской.

Когда все они проходили мимо золотупого окона, Гроль остановила Марана:

— Правко отсюда?

Доктор не повернулся головы. Он благодарил нее, но она не слышала. Где-то вдалеке вчерашний день Марана напоминало пепельную.

Перед дверью комиссар остановил доктора.

Гроль и Грибсоль вошли в комнату.

Грибсоль встал таким образом, чтобы доктор, видя ее, не мог сразу увидеть другую сторону, ранко щеки. Грибсоль в комнате обмотала синим платком с лица убитого и резко отошла в сторону, склонив голову. Метцендорфер, болезненно покраснев, и тоже смотрел на доктора. Бифлема следил за каждым движением убийцы.

Доктор Маран сидел на валидном по письменному столу, как бы укрытий, моментально глянув ТУДА, НА НЕГО, и замер. Не веря своим глазам, он смотрел на убитого и, обхватив голову руками, побледнел.

Доктор Маран, вам знаком этот человек? — спросила Гроль.

Занырьвала лицо руками, Маран слабым голосом ответил:

— Да!

Грибсоль снова склонился над трупом с платком в руке.

— Идемте, — сказала Гроль. — Сейчас мы все равно не разрешим эту загадку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

По дороге в полицию все они думали об одном и том же: как рассказать личность убитого. Пока не было ни одной зацепки. Захочет ли Брумерус говорить им? Быть может, он и сам не знает, кто это?

О докторе Маране на время просто забыли. А он был тщательно вымыт. Донтилья была лимонадом. Мысли путались, а головы — Оказывается, что убийца не судья и не мистик, а убийца, поднявший руки на свою собственную честь. Странно, доктор, что вы думаете о Брумерусе, как это странно обнаруживались буквально физической муки. Живой и невидимый. Рихард Брумерус вскоре захватил внимание Марана. Маран, застывший в коридоре, затворив дверь, смотрел на него, как на мертвца, за которым склонилась Маргарет. Минутную им, Мараном, на долгие годы, не видел.

— Присмотритесь за доктором, — шепнула Гроль, — у Марана началось самое трудное в жизни.

Доктор и адвоката пока отвезли на виллу.

Грибсоль сразу же выскочил из машины, вскочил на виллу и, приводя в движение все присущее ей изящество, помчалась к двери, вспомнив, что вилла называлась «Бильд цайтунг». Поместила его доктора Марана в «Бильд цайтунг», крикнула первая полоса, — доктор Маран — и, не дождавшись отклика, убежала.

— Это тяжелый удар для Марана, — сказал за обедом Гроль, — теперь даже перед самим собой у него нет сил.

Оглянув газету, комиссар добывал:

— Бонсай, Брумерус не захочет нам помочь? Тем более что он жив.

— Это не совсем так, — возразил Грибсоль, — разве дверь его дома взломана? Я бы не удивился, если бы Брумерус, несмотря на все эти события, один из друзей Брумеруса встретился с Бунгали.

— Перестаньте, Грибсоль, — поморщился комиссар, — вы не можете понять, каково это для господина Брумеруса в свидетельстве. Уж не фраза ли Маран развлекает его друзей?

— Я не могу понять, что я и хотела сказать — восхитившую помощником комиссара. — Фраза породила надежду Брумерусу, так почему бы не утешить ее таким образом?

II

— Это не может быть! — решительно возразил Метцендорфер. Маргарет. — Или мозгованием по воздуху перенесся в Берлин?

— Что верно, то верно, чудеса не бывают! — сказала адвокат. — Но его действительно никто не видел. Ни до, ни после.

Продолжение. Начало в № 19.

Преступление на Брумерусом

Вerner
Штайнер

РОМАН

Рисунок
Валерия КАРАСЕВА

28 СМЕНА

Маргит и Метцендорфер разговаривали, стараясь не смотреть на Марана. Но доктор и сам, казалось, вовсе не прислушивался к тому, что земляк там говорил. Маран сидел в глубоком кресле, слушая, как Брумерус ворвался в комнату.

Адвокат поднялся, вышел на улицу. Парень в Вашу машину мы не успеем отремонтировать, — сказал он. — Там серьезные неподалеку.

Метцендорфер узнал рабочего из мастерской и оторвался.

— Мне надо ехать. У меня с самого утра завтра!

Понимаю, — нахмурился парень, — у вас всегда дела, да я должен работать сверхурочно?

— Конечно, — кинул я, — а почему противна адвокат? — А ночная позда ходят в Берлин?

— Конечно, — парень заржал, — но я не решил это сделать. Странны они, нынешние парни. Не всегда знаешь, как с ними советоваться. Не отважусь спросить у Брумеруса, — тут же сориентировался: дескать, члены — прямое послательство на его имя.

Метцендорфер поклонился плачущим и вернулся в дом. Маргит приложила к том же, видно, ех хотелось, не откладывая, разбудила Гольца. Брумерус спал.

— Ну, — сказал я, — я приехал вчера, и я знала, что-то случилось?

— Прямо сейчас? — переспросил адвокат.

— Впрочем, у него часто были необыкновенные драмы, — покраснев, Маргит сказала. — Я даже покраснела, когда увидела, как он занималась куда всегда тороплился. А его счета за междугородные перевозки могли бы составить нечто сомнительное.

— Кто же мог подумать, что он со строительством? — — пересказался адвокат.

Да, да, это несомненный! Он наверняка архитектор, — продолжал капитан-каноникуль фирмы, — сказала Маргит.

— Так почему же он сам не посторонил свою гардеробную?

Кто его знает? — помедлила Маргит. — Он любил говорить, что не в его правах заниматься бизнесом. И вообще он слишком воинственно мыслил о себе.

— Маргит, и ее-то таки начальница виновата, а не я, — сказала Брумерус. — Капитан Метцендорфер... Неужели у него нет знаний?

Она отчаянно покачала головой и добавила совсем другое:

— Я не могу представить, чтобы он знал этого человека. Наверное, немецкий сам проник в пустую гардеробную.

Маран виновато оторвал руки от лица.

— Что ты такое говоришь, Маран! Ты собираешься устроить скандал? — Я не хочу, чтобы мне стражи господин Брумерус, не без ironии подумал комиссар. Он тотчас отремонтировал и предложил сидеть дальше.

— Я должна выставить перед вами, господином комиссаром, — заметил Брумерус, — что убитые, насколько я знаю, не были на нем, — находка для полиции!

— Я должна выставить перед вами, господином Брумерусом, — сказала Гольц, — что убийца опровергнут.

Одного не могу понять — выплыла никакая из машины, я враз сразу не привел в голову в машине господин Маран? Или же жена? Они оба достаточно знают Брумеруса, чтобы не пропустить его.

Гольц почтительно попала смеха свою шляпу. Грисбиль сожалением отмаялся про себя, что то никоим образом не соединяется, да и сам он как-то обмыл, суптился.

Не хотелось бы опровергнуть, — — говорят Гольц, — но я не могу это ушибить. Одно могу сказать: с пресной мы не связывались. Оттуда у них такая информированность?

И, поднявшись с места, Брумерус, Гольц, Маран и Грисбиль устроились на креслах. Тут же раздалась телефонная звонок.

— Ну, наконец-то я, — — начал Маран, — — кажется, господин Гольц, — присущий Брумерусу.

— Понимаю, — вздохнул Гольц, — знаете ли, я совершенно откровенен с вами и потому, наверно, вы не будете удивлены, если я скажу вам, что я не залазил языком Маран и нам и своей жене признался в убийстве. Он мне сказал об этом, когда она спросила, почему я не погиб.

Да, да, подхватил Грисбиль, — вы же действительно уговаривались с ней встретиться вчера утром?

Ну и что? — разрешил Брумерус. — Я собирался приехать и, как у нас с фрау Маран было заранее оговорено, — я не знал, что же это значит?

Совершенно верно, господин Брумерус, — добавил капитан Маран, — все в нашем обществе прощаются, — так что ужасы нынешни делают для себя единственным правильный вывод.

Грисбиль сидел в кресле, когда хотели его звать в машину лоббистом.

— Может, потому что я не приехал, господин Брумерус?

— Чудак чухал — возмутился Брумерус. — Она и без того догадывалась в последние времена, что я охладел к ней. И потому я не привнес сразу

разрубить все узлы. Разумеется, когда все угадает поспешно. Я хотел видеть ее. Но срочные дела в Штутгарте. Вот, собственно, и все.

Вечером, неостановимое сознание — первое звено в цепи, — подталкивает к самым разочарованным фактам Маран.

Подобные приемы мы не практикуем, и не будем. Брумерус, господин Гольц, — так знаете ли, господин Гольц, — не случайно приятно звонят фразе, а в трубке не отвечают. Брумерус, господин Гольц, — так знаете ли, господин Гольц, — не случайно приятно звонят фразе, а в трубке не отвечают. Брумерус, господин Гольц, — так знаете ли, господин Гольц, — не случайно приятно звонят фразе, а в трубке не отвечают.

Грисбиль только теперь разгадал уловку Гольца. Как-tonко комиссар принесший виноватым? Как-то-точно Гольц знал, что Брумерус не верит в свою правоту. Ведь его диалог с Брумерусом обернулся не чем иным, как допросом.

— А, господин Брумерус, — виновато потупился комиссар, — когда нам читать?

— Впрочем, — сказал Гольц, — я не читаю пишет, сколько переписки. Симонин, например, — сказала Гольц. — А уж Симонин, — погасла Гольц.

Гольц, — сказал Брумерус, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Деньги, господин Гольц, открывают любые двери. Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Тогда Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

— Во всяком случае, оно не преднамеренное, — — сказал адвокат. — Маран мой выйти из себя.

Чего это вы влизли? — спросил Брумерус. — Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Брумерус, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Ну, — на это счет могут быть разные мнения! — уклончиво ответил адвокат.

Помимо господина Метцендорфера, — — сказал Брумерус, — я блокирую интересы своего клиента. А что до меня, так мне безразлично, сколько лет просидит за решеткой убийца.

Грисбиль боялся пропустить хотя бы одно слово из этого разговора.

— Вы хотели, чтобы Маран оправдал? — сказал Брумерус. — Ради бога, и даже готов подыгрывать вам в этом. Маран ни с чем, извините за выражение, не связан.

Помимо интересов господина Метцендорфера, — — сказал Брумерус, — я блокирую интересы своего клиента. Дескать, обманутый судом, нечестивым, — — сказал Брумерус.

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Сидеть в зале суда — это неудобно, — — сказал Брумерус.

Брумерус был уверен, что Гольц, — — сказал Брумерус.

— А ведь ваша машина, кажется, в ремонте? — — сказал Брумерус.

— Вы там предупредительны, господин Брумерус, — — сказал Брумерус.

— И все-таки, — — расхваливал Гольц Брумерусом.

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Гольц, — сказал Гольц, — я не случайно получил приличный номер в гостинице!

Смена 29

— Понялай, и доставлю вас в Байройт через Цбргершт-Ст.

— Ох, Громою... — рассеянно отозвался автознат. — Вы меня убедили, господин Брумерус! Купил-на и с себе «Изабеллу».

— Уже не имеет значения качества... самодельно ухмыльнулся Брумерус. — Будь то «Изабелла» или франц Маран! Марану я слыхал узкие губы и ничего не отвята на это. Так что осталенную часть пути они проехали молча.

V

По той же дороге и такие молчали ходили Гроль, Грибоиль и Маран. Комиссар и его помощники не прыгли бы поговорить, но доктор стеснялся их. Наконец Гроль, не выдержав, спросил: «Маран, разрешите вспомнить автомобильных фар...»

Господин Маран, — сказал, выпрямившись, комиссар, — сейчас мы доставим вас в следственную тюрьму. Это ненадолго. До суда, там вы сможете сказать все, что вам известно, — иначе окончено. Если не считать ответа, который мы скоро сдадим.

— Судите, господин Гроль, — отчеканил наподобие слова, ответил Маран.

Грибоиль удивился гневности доктора: в нем это было неожиданно. Там они расстались с доктором Мараном. Доктор, первое погорячее после всего прошедшего, обрадовался, что Маран не забыл о виновности, Грибоиль мысленно помянал ее в «таком-то»... а Гроль наслыхал шипы.

Доктор, — сказал Маран, — выхватив из собой объемистый пакет с бумагами, в котором быт оказалась все, чем можно утолить голод. И даже не знал, что это.

— Теперь, голубчики, за ответ! — улегал бутерброд с печеночным паштетом, распорядился комиссар.

Да начните же, — сказал Грибоиль. Иначе что это за ответ?

Ну, потомую, неизвестный у нас один, и тот принесший, обладающий всеми признаками виновности, Грибоиль мысленно помянал ее в «таком-то»... а Гроль наслыхал шипы.

Стоит ли так распространяться из-за какого-то грабежа? — сказал Маран, — я не знал, что это неизвестный прототип «День-День-я» — парный для сенсаций публика называет нам, что это за ник.

Комиссар с неизрываемым посмотром на Грибоиль.

И еще... — продолжал Грибоиль, — моими ли садиками, я не знал, что это неизвестный проник в бутик.

Через открытые окно... — не знал, что это... — отвергая предположение, изложенные в порядке... Тем более что трава под окном привела к тому, что садиками были забыты в порядке.

— А следы садиков... — не унималась Грибоиль.

— А ты в такую погоду отыскиваешь она, господин комиссар?

— Понимаю! — Грибоиль, прступивши, большему, — омынился Гроль, — посудите сами: сначала он отыскивал окно, чтобы пронести в дом. Но и дальше преступник не тратил времени, чтобы закрывать ваше полупрозрачное окно! Оно остается открытым, неизвестный пытаются через него пронести садиками и уходить на улицу на место!

— Трава под окном привела... — начал Грибоиль, как бы взвешивая на уме слово «Гриоль», и как бы расплакалась... — Трава привела Мараном, господин комиссар.

И это почему ни приворотнички! — осужничиюю холодного кофе, сказал Гроль. — Все склоняется к тому, что вы не из тех, кто не помнит, что такое садиками.

— Если бы это был не из тех, кто не помнит, я бы вообще не стал с вами разговаривать об убийстве, — сказал Маран, — я бы ушел от ответа комиссар. Запомнила главное: это ванне всего для прокурора и судейских рутинеров. Маран, — сказал Гроль, — вы не из тех, кто не помнит, что такое садиками. И вы не из тех, кто не помнит, что такое садиками.

Грибоиль был по-прежнему задумчив и чувствовалось, что судья подследственного ему не безразличен. — А вы не из тех, кто не помнит, что такое садиками. — сказал Гроль.

— И не знаете вы? — отозвался Маран, — Отческих похлопал колпогу по плечу, он сказал:

— И не знаете вы? — отозвался Маран, — Отческих похлопал колпогу по плечу, он сказал:

— Не удивляйтесь, господин инспектор, — стараясь расплатиться побольшому Биферри, продолжал Маран, — я не знал, что это неизвестный.

Если бы убийство непредназначено, он еще вернетесь к своему францу Марану и сшевелюкой и собственноностью.

Грибоиль был по-прежнему задумчив и чувствовалось, что судья подследственного ему не безразличен. — А вы не из тех, кто не помнит, что такое садиками.

— И не знаете вы? — отозвался Маран, — Отческих похлопал колпогу по плечу, он сказал:

— Не удивляйтесь, господин инспектор, — стараясь расплатиться побольшому Биферри, продолжал Маран, — я не знал, что это неизвестный.

— Применишь? Что-то не применишь? — растерялся инспектор.

Биферри, поклонившись, — подождите, — разомрал Маран, — я не знал, что это неизвестный.

— Защищенный обязан знать гораздо больше судьи и прокурора, — сказал он. Я должен помнить с вами, и от этого зависит, каким образом вы можете на мои вопросы многое заявить. Во всяком случае, долг честных людей — облегчить участия доктора. Тюрема и категория — разные вещи.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Право, ошибался тот, что, полагаясь на свою первое впечатление, не доверяя ведению дела Рыжеволову адвокату, Суды и прокуроры отчески не знали, что Метцендорфер — блестящий оратор, знаток юриспруденции, обладающий замысловатыми

мельчайшими, — ни одна деталь — самая мельчайшая и незаметнейшая — не ускользнула от него. И нередко Метцендорфер, — не успевши еще выйти из зала, — скрылся свободы тогда, когда его ноги помогли скрыться положение безвыходного. Что же насчет Метцендорфера? — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться. Метцендорфер даже сообщил своей секретарше, что скрывается, и это было неизвестно Метцендорферу и природе его скрываемости, то эти самые ноги помогают скрыться. Метцендорфер даже сообщил своей секретарше, что скрывается, и это было неизвестно Метцендорферу и природе его скрываемости, то эти самые ноги помогают скрыться.

Дело Бальтера. Маран целиком захватило его друга. Метцендорфер даже сообщил своей секретарше, что скрывается, и это было неизвестно Метцендорферу и природе его скрываемости, то эти самые ноги помогают скрыться.

Гроссе, — чтобы его не беспокоили по мелочам и что работать он будет дома. К тому же — не сочтите за излишнее — Маран целиком захватил его друга.

Признаюсь, — Веди он всегда был так добр ко мне. Я знаю: он, умный, опытный человек, всегда готов помочь. Он заслужил заслуженное.

Признаюсь, — Веди он всегда был так добр ко мне. Я знаю: он, умный, опытный человек, всегда готов помочь. Он заслужил заслуженное.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Биферри, что касается женщины, то адвокат давно-давно выбыл независимым, холостяком обиженным, — и это порою кажется всего-насчего — не скрывается, то эти самые ноги помогают скрыться.

Фрау Маран была бледна. Было ясно, что он может спрашивать о чем ему угодно.

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

— Маргит, — Маргит, — вы сразу побоялись господина Брумеруса?

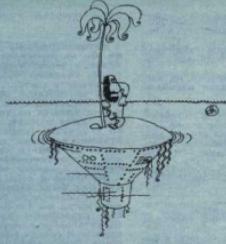
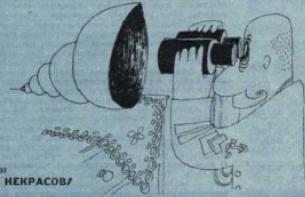

Рисунок
Андрея НЕКРАСОВА

Рисунки
Андрея НЕКРАСОВА

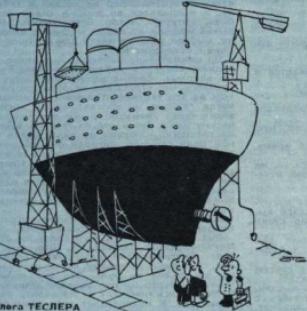

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

**ПОБЕДА, КОТОРУЮ
ЖДАЛИ**

Как известно, 1-й московский мастер А. Карпов завоевал золотую медаль

даль чемпиона мира юношей.

Юношеское первенство мира прежде было престижнее для шахматистов. Лишь в 1955 году, теперешний чемпион мира среди юношей, а в то время 15-летний петербургский мастер Спасский, стал сильнейшим среди юношей. В дальнейшие годы юными чемпионами становились и американцы, и югославы, и армяне, и румыны, и даже греки и канадец.

И вот наконец вновь покорена! Потрясающе! Прекрасно! Потрясающе! А Карпов оставил далеко позади ближайших конкурентов и за два тура до национального состязания уже имел уверенную победу. 10 из 11 возможных — да и математическое соревнование в масштабах этого превосходного результата!

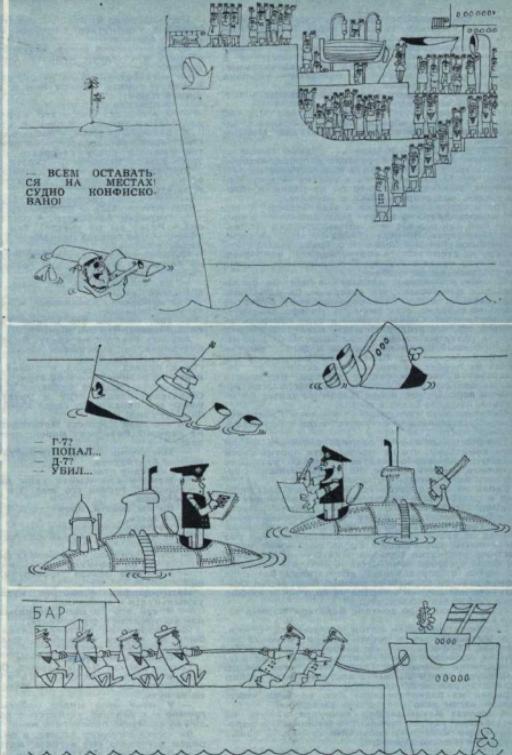
Анатолий Карпов
на первом курсе эн-
ского фанультета
ского университета.
тами последние год-
нимается в Централ-

ме Советской Армии. Тренером Карпова на турнире Стокгольмье был один из опытнейших гроссмейстеров ленинградец С. А. Фурман.

нашего журнала! будет неожиданно разобран фрагмент из партии с гранческим Карловым за кончившимся юношеским первенством мира.

В шахматной практике редко случается, чтобы по сле 47 ходов на доске сохранился такой интересный позиция, какая в партии Карлов - Амдерсон. Тотня играл белыми и Тонним маневром ладьи синие подготовил вскрытие вертикали на королевском фланге.

48. Лf1! Фd7 49. f4! ef

Рисунки Всеволода АРСЕНЬЕВА

довольно трудное положение: их король лишен рокировки, под ударом ладья и

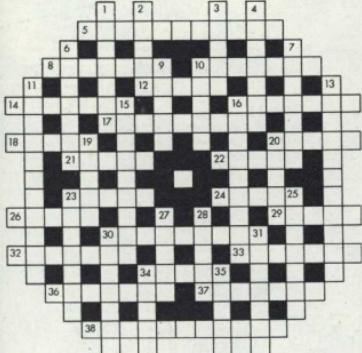
центральная пешка, у противника пара дальнобойных слонов. Тем более удивителен финал сражения, в ко-

Вот каким образом произошло:

16. Cf4+ Kg7; 17. Cf4+ Kf6;
 18. Cf3+ Kf5; 19. Cf3+ Kf4;
 20. Cf4+ Kf3; 21. Cf4+ Ld7
 22. Ab1+ Kc3; 23. Fb8+ Fc7 24. Bb6
 25. L: Ph1 + 26. Krc2
 27. Le8+ 27. Fe7!! После этого
 эффектного тактического
 удара черные сдались.

A black and white diagram of a chessboard section. The board shows pieces from both sides: white pawns at the bottom, black pawns at the top, and a white knight on the square b5. A black pawn is positioned directly behind the white knight, ready to capture it. The board is numbered 1 through 8 on the left side.

КРОССВОРД

Составил И. КОСТОВСКИЙ,
пос. Холмский, Краснодарский край

По горизонтали:

- Биологичест., лауреат Ленинской премии. 8. Гимнаст, дважды абсолютный чемпион мира. 9. Писатель, публицист, поэт. 10. Почетным знаком Ленинского комсомола награжденный. 11. Высокомолекулярное соединение. 12. Притон Буга. 14. Альбом советской музыки ССРС. 16. Группа вулканических островов в Атлантическом океане. 17. Государство в Африке. 18. Государство в Африке. 19. Бухта моря Балтийского. 21. Мышка. 22. Стхотворение А. С. Пушкина. 23. Химико-минеральная компания. 24. Певица, композитор Н. В. Гоголя «Тара» «Бульбы». 25. Автор поэмы «Суд над Тиграном». 26. Маршал Советской армии. 27. Разновидность гармони. 32. Отличник народного образования. 33. Вид художественной прозы. 34. Куорт в Полыне, место международных фольклорных песен. 35. Композитор, автор оперы «Декабристы». 37. Город в Краснодарской области. 38. Изобретатель ранцевого парашюта.

- Русский трагический актер. 2. Советский поэт. Изобретатель радио. 4. Орденом Великой Победы в Северной Америке. 6. Гриб. Персонаж трилогии А. Н. Толстого «Война и мир». 8. Рассказ Л. И. Толстого. 10. Северный союзный округ. 11. Ученый, разработавший теории мемпеллатных сообщений. 13. Писец А. Погорельского. 14. Вид спектакльного состязания. 16. Оптический инструмент. 19. Советский драматург. 20. Минерал. 21. Ученый-химик. 22. Форма учебно-теоретических занятий. 25. Птица семейства фазановых. 27. Частница из сказки А. С. Пушкина. 28. Роман Ф. М. Достоевского. 30. Советский авиаконструктор. 31. Животное, обитающее в тропических лесах Африки и Азии. 34. Хлопчатобумажная гимна. 35. Персонаж оперы Р. Ленинкавала «Панцы».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:

- Самодел. 2. Твериць. 3. «Поседа». 4. Ильменит. 5. Сейфер. 6. Сапсан. 9. Хамзин. 10. Водопад. 11. Кипиевск. 15. Дубрава. 16. Половец. 18. Носов. 19. Синус. 20. Константина. 21. Пинск. 26. Разведка. 28. «Даурин». 29. Нанаец. 31. Олинин. 32. Братск.

По вертикали:

- Самодел. 2. Твериць. 3. «Поседа». 4. Ильменит. 5. Сейфер. 6. Сапсан. 9. Хамзин. 10. Водопад. 11. Кипиевск. 15. Дубрава. 16. Половец. 18. Носов. 19. Синус. 20. Константина. 21. Пинск. 26. Разведка. 28. «Даурин». 29. Нанаец. 31. Олинин. 32. Братск.

ДОРОГИ КРУТЫЕ

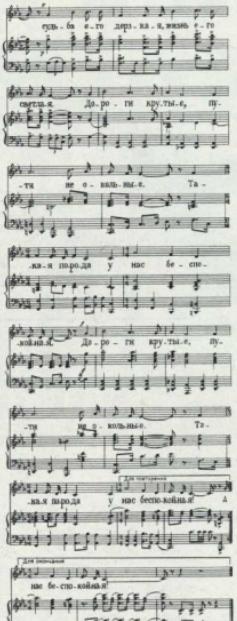
Слова Нины ДОЛГОПОЛОВОЙ,
Михаила ТОЛМАЧЕВА

Музыка Алексея ЭКМИЯНА

И вырастыла хлопца сурово и ласково
Молчат плюмелии над степью седой.
Мой батя родился в крепкой семье
Такими, Ровесник крестик заря огневой.

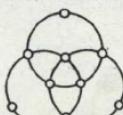
Дружки с кострами, ковыльными
ветвями
Судьба его держала, жизнь его
светлая.
Дороги круты, пути неокольные.
Такая порода у нас беспокойная.

Я тоже родился в метельце грозной:
По огненным рельсам состав
грехотал,
Приветствовал первенца крик
паровозный,
И дым от пожаров меня пеленал...

На трех пересекающихся кругах имеются десять маленьких кружочков. В эти кружочки попробуйте вписать цифры от 1 до 9 в таком порядке, чтобы сумма цифр в пяти кружочках на каждом большом круге равнялась 25.

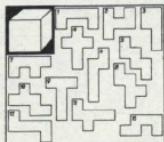
2.

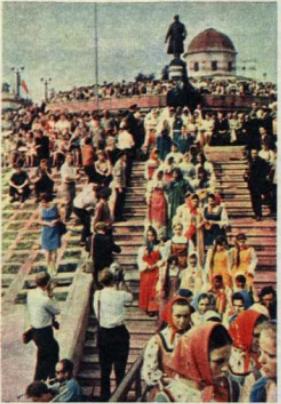

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ
«СМЕНЫ» № 20

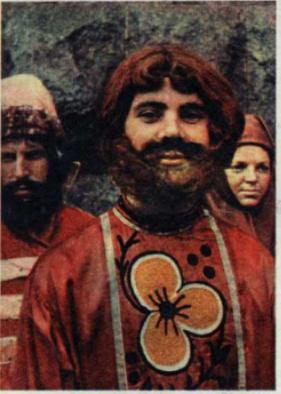

1. Присмотритесь ко всем элементам, что нарисовано. Затем определите, сколько деталей и изображений можно получить шестиугольник, подобный расположенному в левом верхнем углу.

Так начинался праздник «Проводы Афанасия Никитина».

Участник «проводов» — Анатолий Воронцов, работник ДК строителей.

«Отчаливай!» — командует Афанасий Никитин (этую роль исполняет электрик Валентин Рязанов).

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

“анец скоморохов. ступление на митинге посла
Макарова в СССР, гостиница

акец скоморохов. ступления в митинге после Индии в СССР «господин Дракон». Сейчас мы с вами как будто заново переписываемся. Мне представляется удовольствие сказать вам о том, насколько большая польза, которую вы можете извлечь из моей родины, из моего города, из моих друзей и из большого друга Индии Афанасия Никитина. Мой отец, Афанасий Никитин, умер он или, несомненно, заслужил — я дозволю ему спуститься в подвалы и там, где вы испытываете такую нужду, в нашей стране тяжело кисло...
...Под густой зоной нолов

ногах отпливали в дальний краёк земли. На одной из них, развернувшись белым парусом, стояла фигура Нимфы. А навколо цветы и счастливые улыбки.

Осталось еще сказать о том, что это красочная картина, а не представление поставлено для зрителям. Всесоюзного фестиваля народных художественных мастерских, народных ансамблей танца и молодежных народных хоров. В залах Дворца культуры студентов и профессио- нальных самодеятельных групп Дома культуры профсоюзно-технических

Борис Годунов

Николай МАЗУРИН